

Смоленская Православная Духовная Семинария

**Митрополит Смоленский и Дорогобужский
Исидор (Тупикин)**

**ЦЕРКОВНОЕ
КАНОНИЧЕСКОЕ
ПРАВО И ПРАВО
ГОСУДАРСТВЕННОЕ**

Сопряжения, пересечения, взаимные влияния

**Научно-теологическое
и научно-юридическое исследование**

Москва – Смоленск
Свиток
2022

УДК 348; 322; 342; 342:23/25; 342:23/28; 268; 347.2/3; 347.4; 347.232.1; 34:2; 347.6
ББК 67.404.1; 67.404.2; 67.407; 67.412
И82

Научные рецензенты:

Фролова Евгения Евгеньевна,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов, почётный работник науки и высоких технологий РФ, заслуженный юрист РФ, почётный работник высшего профессионального образования РФ

Кузнецов Михаил Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов, почётный работник высшего профессионального образования

Исидор (Тупикин), митрополит.

И82 Церковное каноническое право и право государственное: сопряжения, пересечения, взаимные влияния: Научно-теологическое и научно-юридическое исследование / Под науч. ред. д.ю.н. И.В. Понкина / Смоленская Православная Духовная Семинария/. —М. — Смоленск: Свиток, 2022. — 144 с.
ISBN 978-5-907495-48-7

Настоящая научная монография Исидора (Тупикина Р.В.), митрополита Смоленского и Дорогобужского, ректора Смоленской Православной Духовной Семинарии Смоленской епархии Русской Православной Церкви, доцента кафедры богословских и церковно-исторических дисциплин семинарии, кандидата юридических наук посвящена научному исследованию сложных, динамических, неявных соотношений и взаимодействий церковного канонического права и права государственного.

ББК 67.404.1; 67.404.2; 67.407; 67.412

ISBN 978-5-907495-48-7

© Тупикин Р.В., 2015–2022
© Оформление, издательство «Свиток», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	---

ГЛАВА 1. КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ИНАЯ ТЕОРЕТИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА ..... 23 |

§ 1.1. Для чего следует изучать мирским юристам каноническое право. Научный интерес к соотношению канонического права и права государственного	23
§ 1.2. Понятие, особенности природы и онтологии канонического права	33
§ 1.3. О соотношении науки канонического права и теологической науки	41

ГЛАВА 2. ИНТЕРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ПРАВОМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ: РЕТРОСПЕКТИВНОЕ, СОВРЕМЕННОЕ И ПЕРСПЕКТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

§ 2.1. Две обособленные, но интерсекциональные системы нормативного регулирования	59
§ 2.2. Существенность и разноприродность взаимного влияния двух различных регуляторных систем — права канонического и права государственного	65
§ 2.3. О должном понимании секуляризации и об интерпретации исследуемой предметно-объектной области с позиций её учёта при исследовании взаимодействий права канонического и права государственного.	86
§ 2.4. Историческая конвергентная сходимоть государственного права и права канонического через ведение актов и реестров актов гражданского состояния.	90

§ 2.5. Историческая конвергентная сходимость государственного права и права канонического через вытеснения юрисдикции в судебных тяжбах и уголовных процессах . . .	92
§ 2.6. Историческая конвергентная сходимость государственного права и права канонического через совместную защиту общественной нравственности, религиозных чувств верующих, объектов религиозного назначения	94
§ 2.7. Историческая определённая конвергентная сходимость государственного права и права канонического через формальную юридическую (норморайтерскую) технику . . .	96
§ 2.8. Конвергентная сходимость государственного права и права канонического в сферах уголовного права и уголовно-исполнительного права	99
§ 2.9. Соотношение канонического права и гражданского права	100

**ГЛАВА 3. ВЫРАЖЕННЫЕ СЛОЖНОСТЬ,
ДИНАМИЧНОСТЬ, НЕЛИНЕЙНОСТЬ
И ОПРЕДЕЛЁННАЯ СТОХАСТИЧНОСТЬ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВА КАНОНИЧЕСКОГО
И ПРАВА ГОСУДАРСТВЕННОГО**

§ 3.1. Сложные динамические и нелинейные взаимодействия права канонического и права государственного	103
§ 3.2. Столкновения концептов о природе канонического права в соотнесении с природой права государственного	107
§ 3.3. Коллизии канонического права и права государственного: некоторые методологические и концептуальные подходы	112
§ 3.4. Признание судами автономной исключительной компетенции за религиозными организациями в истолковании норм канонического права	126

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138
-----------------------------	------------

ВВЕДЕНИЕ

Некоторое время назад увидела свет книга «От права к истине: Образы святых юристов»¹, включающая, как указывает в предисловии к ней И. В. Москаленко, более 40 жизнеописаний и иконописных образов святых, земной путь которых был связан с юриспруденцией (в каждом жизнеописании показано, как тот или иной святой потрудился в области права). Как отмечает в своём предисловии к ней Ювеналий, Митрополит Крутицкий и Коломенский, эта книга о святых юристах рассматривает жития святых подвижников через призму их юридического образования или призвания. Названное издание самым замечательным и убедительным образом показывает отсутствие непреодолимого и жёсткого конфликта между юриспруденцией и православной христианской теологией, включая её неотъемлемую составляющую часть — науку о православном церковном каноническом праве.

В настоящее время (да и в ранние периоды) тематический горизонт соотношений, референций, взаимодействий государственного права и права церковного канонического, тем более в части влияния последнего на право государственное, — крайне сложный и проблемный, причём в любых исследовательских проекциях и отраслевых подходах: как с точки зрения теологической науки, так и с точки зрения юридической науки (и сложно сказать, с позиций какой из этих отраслей науки это менее затруднительно).

Сегодняшнее право во всех европейских государствах во многом сформировано в исходных устоях и даже формах

¹ От права к истине: Образы святых юристов / Гл. ред. И. В. Москаленко. — Коломна: Лига, 2019. — 208 с.

Церковью. Однако значение канонического права и размерность его вклада в европейскую правовую культуру в настоящее время оказались почти полностью забыты².

Тематика интерсекциональности и взаимного влияния церковного права (или иначе — канонического права; (лат — «*Lex Canonica*»; англ. — «*Canon Law*»; франц. — «*Droit canonique*», «*Droit ecclésiastique*») и права государственного (мирского правового регулирования, светского права)) является настолько же актуальной сегодня, насколько и мало исследованной. Неслучайно Н. А. Заозерский отмечал, что трудно указать более сложный и жизненный предмет исследования, требующий именно по причине жизненности своей утончённо-осторожного к себе внимания, чем вопрос о церковной власти³. Указываемая П. А. Лашкарёвым «своеобразность положения науки церковного права в ряду других юридических наук, и трудность задачи её при её наличном состоянии»⁴ детерминирует сложность теоретико-моделирующей стыковки этих

² Der Einfluss der Kanonistik auf die europäische Rechtskultur [Влияние канонического права на европейскую правовую культуру]. Bd. 1: Zivil und Zivilprozessrecht [Т. 1: Гражданское и гражданско-процессуальное право] / Hg.: Orazio Condorelli, Franck Roumy, Mathias Schmoeckel. — Köln: Böhlau Verlag, 2009. — 445 s.

³ Заозерскій Н. А. О церковной власти. Основоположенія, характеръ и способы примѣненія церковной власти въ различныхъ формахъ устройства церкви по ученію православно-каноническаго права. — Сергіевъ Посадъ: Типографія А. И. Снегирёвой, 1894. — iv; xiii; 458 с. — С. 1.

⁴ Лашкарёвъ П. А. Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ. Изъ чтеній по церковному праву. 2-е исправ. и пополн. изданіе. — Кіевъ: Изданіе книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1889. — xiv; 213 с. — С. iii; 167.

двух нормативных систем, а равно двух научных направлений, их изучающих.

В немалой степени знания и, главное, понимания по этой теме оказались утраченными. Неслучайно Антонио Падоа-Скиоппа писал: «Мы хотели бы подчеркнуть, что то, что мы собираемся сказать, в ряде случаев является плодом исследовательских гипотез, сформулированных на основе нескольких исследований очень богатых и часто малоизвестных материалов, а не уверенности, полученной после исчерпывающего изучения источников»⁵.

Это не менее острая проблема и в нашей стране. Дополнительной сложности придаёт как раз наличие рецидивов 70-летнего периода доминирования вульгарно-атеистической идеологии над правовой наукой. Семидесятилетний период агрессивной идеологии большевистского атеизма в нашей стране, сменившийся на переломе 1980–1990-х годов периодом не менее агрессивной идеологии избирательного ультралиберального атеизма (идеологемы которого доходили до совсем уж радикальных форм: «церковники должны ответить» за все мнимые и немислимые «грехи», «Церковь тормозит развитие государства» и т.п.), который в свою очередь стал отмирать несколько лет назад, предопределили принудительную и совершенно неосновательную литотизацию (принудительное занижение значения) и даже опорочивание канонического права.

Из отечественных учебников по праву, философии и истории права длительное время принципиально вымарывалось любое указание на факт наизначительнейшего влияния канонического

---

⁵ *Padoa-Schioppa A. Réflexions sur le modèle du Droit canonique médiéval* [Размышления о модели средневекового канонического права] // *Revue historique de Droit français et étranger.* — 1999. — Vol. 77. — № 1. — P. 21–39. — P. 22.

права на государственное право в его истории, это замалчивалось или игнорировалось. Сегодня постепенно приходит время открытия правды, расстановки всего на свои места.

Тем более, это нужно сделать в современных условиях и на фоне явных тенденций (уже несколько лет как⁶) дезупорядочения международных отношений, когда грядёт переоценка ценностей.

Умножение объёма массы юридических текстов, всё возрастающая сложность и техничность закона, трудности в реализации закона и, прежде всего, на фоне кризиса консенсуса, на котором выстроена вся вообще правовая система, писал Жан Пасикос, вопросы, поставленные этикой прав человека, всколыхнувшие ряд правовых понятий, хорошо известные двусмысленности, которые всё ещё окружают эти основные требования в законе, кризис уголовного права и судебных институтов (не они ли первыми затронуты кризисом ценностей, затрагивающим общество...), фрагментация правовой системы на постоянно растущее число конкретных законодательных актов, также свидетельствующих о фундаментальных проблемах, возникающих перед правовой системой и, в конечном счёте, перед самим обществом, — именно в таком контексте каноническое право и государственное право могут сопрягаться, чтобы обеспечивать юридические и канонические решения, детерминируемые насущными социальными потребностями. Какими могут быть эти точки соприкосновения таких разных правовых систем? Они разнообразны. На практике, прежде всего, две

⁶ См.: *Laazouzi M. Les clauses attributives de compétence internationale. De la prévisibilité au désordre* [Положения о международной юрисдикции. От предсказуемости к беспорядку]. — Paris: Éditions Université Panthéon-Assas, 2021. — 252 p.

регуляторные системы — каноническая и государственная — не в состоянии игнорировать друг друга. Но признание де-юре двух систем различно, равно как и признание де-факто одной из них другой. С одной стороны, определённые объективные обстоятельства или ожидания учитываются непосредственно одной или обеими системами (это происходит при подписании соглашения); с другой стороны, одна из систем учитывает эти объективные обстоятельства или ожидания только по сугубо практическим причинам. Необходимо выделить некоторые нюансы, поскольку реальность иногда бывает очень сложной. Кроме того, существует сама область юридической науки. Правоведческая рефлексия будет сосредоточена на используемых правовых концепциях и методах, на их аналогии или различиях. Выводы не могут не обогатить науку права⁷.

Соотношения, сложные взаимопроникновения и взаимовлияния, интерсекциональные («пересекательные») и иные взаимодействия права канонического и права государственного, суть и значение вклада канонического права в философию и общую теорию права не раз становились предметом исследования различных зарубежных авторов⁸. Частично

---

⁷ *Passicos J.* Droit canonique et droit comparé aujourd'hui. Renouveau d'une problématique? [Каноническое право и сравнительное право сегодня: Возобновление проблемы] // *Revue internationale de Droit comparé*. — 1981, Janvier-mars. — Vol. 33. — № 1. — P. 17–31. — P. 23–24.

⁸ *Basdevant-Gaudemet B.* Du «religieux» à «l'utilité publique»; Droit canonique et sécularisation du XVIe au XXe siècle [Переход от «религии» к «общественной пользе»; каноническое право и секуляризация XVI–XX вв.] // *Revue d'Histoire ecclésiastique (Université Catholique de Louvain)*. — 2013. — Vol. 108. — № 1. — P. 144–164.
Fantappiè C. Introduzione storica al diritto canonico [Историческое введение в каноническое право] — Bologna: Il Mulino, 1999. — 292 p.
Les origines canoniques du droit constitutionnel [Канонические истоки конституционного права] / Sous la direction de Dominique

названная тематика нашла своё отражение в работах некоторых

Chagnollaud. — Paris: Éditions Université Panthéon-Assas, 2009. — 120 p. Der Einfluss der Kanonistik auf die europäische Rechtskultur [Влияние канонического права на европейскую правовую культуру]. Bd. 1: Zivil und Zivilprozessrecht [Т. 1: Гражданское и гражданско-процессуальное право] / Hg.: Orazio Condorelli, Franck Roumy, Mathias Schmoeckel. — Köln: Böhlau Verlag, 2009. — 445 s. Bd. 2: Öffentliches Recht [Т. 2: Публичное (государственное) право] / Hg.: Orazio Condorelli, Mathias Schmoeckel, Franck Roumy. — Köln: Böhlau Verlag, 2011. — xii; 458 s. Bd. 3: Straf- und Strafprozessrecht [Т. 3: Уголовное право и уголовно-процессуальное право] / Hg.: Orazio Condorelli, Mathias Schmoeckel, Franck Roumy. — Köln: Böhlau Verlag, 2012. — 540 s. Bd. 4: Prozessrecht [Т. 4: Процессуальное право] / Hg.: Yves Mausen, Orazio Condorelli, Mathias Schmoeckel, Franck Roumy. — Köln: Böhlau Verlag, 2014. — xviii; 361 s. Bd. 5: Das Recht der Wirtschaft [Т. 5: Право экономики] / Hg.: David von Mayenburg, Orazio Condorelli, Franck Roumy, Mathias Schmoeckel. — Köln: Böhlau Verlag, 2016. — xvi; 488 s. Bd. 6: Völkerrecht [Т. 6: Международное право] / Hg.: Orazio Condorelli, Franck Roumy, Mathias Schmoeckel. — Köln: Böhlau Verlag, 2020. — xxxii; 392 s. *Muller L.* Der Rechtsbegriff im Kirchenrecht: Zur Abgrenzung von Recht und Moral in der deutschsprachigen Kirchenrechtswissenschaft des 19. und 20. Jahrhunderts [Понятие права в каноническом праве: о разграничении права и морали в немецкоязычных исследованиях канонического права XIX и XX веков]. — Sankt Ottilien: Eos Verlag, 1999. — xxv; 342 s. (Münchener Theologische Studien, III. Kanonistische Abteilung, 52). *Lynch J.E.* The canonical contribution to English Law (to circa 1500) [Канонический вклад в английское право (примерно до 1500 г.)] // *Studia Canonica* (Ottawa). — 1999. — Vol. 33. — № 2. — P. 505–525. *David R.* La place du droit canonique dans les études de droit comparé [Место канонического права в сравнительно-правовых исследованиях] // *Actes du Congrès de droit canonique* / Pierre Andrieu-Guitrancourt (dir.) /

современных отечественных авторов⁹ (хотя основной объём референтной литературы надобно искать в числе изданной до 1917 года). Однако полностью тема не раскрыта по сей день и нуждается в дополнительных исследованиях и объяснениях.

На высоком научном уровне историография и связанная с нею библиография по этим тематическим направлениям отработаны в труде Стефана Буарона и Франка Руми¹⁰.

Но и в европейской науке этот комплекс вопросов не получил надлежаще исчерпывающих и достойных ответов. В нашей же стране (учитывая свою специфику, существенно различимую с католическим регуляторным универсумом) этот комплекс вопросов — по-прежнему обширнейшие лакуны знаниевых пробелов.

Cinquantenaire de la Faculté de droit canonique (Paris, 22–26 avril 1947). — Paris: Letouzey et Ané, 1950. — 414 p. — P. 229–238.

⁹ См., например, работы автора настоящего исследования, а также: *Баган В.В.* Генезис и онтология канонического права православной церкви: научно-теологическое и научно-юридическое исследование / Под науч. ред. И.В. Понкина / Смоленская Православная Духовная семинария. — М. — Смоленск: Свиток, 2022. — 364 с. *Понкин И.В.* Оценка правовой обоснованности и юридического значения решения Константинопольского Патриархата от 11.10.2018 о признании утратившим силу («отмене юридического обязательства») решения Константинопольского Патриархата от 1686 года // Нравственные императивы в праве. — 2018. — № 2–3. — С. 4–13. *Понкин И.В.* К вопросу о содержании понятия уважения государством внутренних установлений религиозных организаций // Религия и право. — 2015. — № 2. — С. 10–15.

¹⁰ *Boiron S., Roumy F.* Chronique d'histoire du Droit canonique [Историография канонического права] // *Année canonique.* — 2000. — Т. XLII. — P. 249–282.

По словам Н.К. Соколова, «вопрос о влиянии церкви на установление государственного строя в нашем отечестве и на образование нашего древнего законодательства уже не раз служил предметом серьёзных и специальных трудов наших учёных историков и юристов»¹¹.

Но, как писал Чарльз Донахью-мл., история канонического права ещё не написана¹², но тем более ещё должным образом не написана история взаимодействия канонического права и права государственного (тем более диверсифицированно — в отношении Русской Православной Церкви Московского Патриархата, других православных церквей, Римской католической церкви). И эта история начинает сегодня новый виток.

Каноническое право обоснованно изучают на юридических факультетах в некоторых странах¹³. Постепенно каноническое право обретает сообразное его достоинству место и в отечественном образовании, и это тем более требует уяснения выше названных вопросов.

Сегодня насущно необходима переоценка значения канонического права в генезисе права государственного. Нужна

---

¹¹ Соколовъ Н.К. О вліяніи Церкви на историческое развитие права // Московскія университетскія извѣстія. — 1870. — № 1. — С. 1–103. — С. 65.

¹² Donahue-Jr. C. Why the history of canon law is not written [Почему не написана история канонического права]. — London: Selden Society, 1986.

¹³ Condé P.-Y. La fragilité du Droit. «Déthéologisation» et «théologisation» du droit canonique après Vatican II [Хрупкость права: «детеологизация» и «теологизация» канонического права после Второго Ватиканского собора] // Droit et société. — 2006/2. — № 63. — P. 527–551. — P. 528.

и оценка (переосмысление и переоценка) вопросов, поднимаемых новыми данными, обнаруживаемыми учёными. Так, представляет определённый академический интерес работа Андерса Винрота¹⁴, который, как было заявлено, обнаружил существование «первой версии» Декрета Грациана¹⁵ (считающегося важнейшим средневековым памятником западного канонического права — первым общим сводом канонического права католической церкви). Обнаруживаются и/или предаются публичной репрезентации и многие забытые отечественные источники и труды.

Теоретизировать различие между сферами и между компетенциями означает, указывает Антонио Падоа-Скиоппа, признать и обосновать множественность уровней, на которых разворачивается жизнь людей и сообществ, не отказываясь при этом от утверждения истинного для Церкви послания. Критерий различия также допускает сосуществование различных ценностей — справедливости и милосердия, строгости и беспристрастности, форума суда и форума совести — в единой системе институтов. В рамках этой системы право сосуществует и пересекается с доктриной, юриспруденцией и обычаями в плодотворном равновесии, утраченном современными законами¹⁶.

---

¹⁴ *Winroth A. The Making of Gratian's Decretum* [Создание Декрета Грациана].— Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2000.

¹⁵ *Boiron S., Roumy F. Chronique d'histoire du Droit canonique* [Историография канонического права] // *Année canonique*.— 2000.— Т. XLII.— P. 249–282.

¹⁶ *Padoa-Schioppa A. Réflexions sur le modèle du Droit canonique médiéval* [Размышления о модели средневекового канонического

Эта тема крайне важна для дальнейшего развития научного понимания и толкования понятия, сути, природы, структуры и онтологии канонического церковного права, на также имеет значение для теории светского государства (в нормальной конституционно-правовой его интерпретации¹⁷).

Практическая актуальность этой темы обосновывается текущим достаточно уникальным периодом в жизни Русской Православной Церкви, связанным с комплиментарным, доброжелательным, конструктивным отношением со стороны высших властей Российского государства, когда было бы неразумно воспользоваться уникальными возможностями для продвижения не вступающего в противоречие с государственным правом влияния на него права церков-

---

права] // *Revue historique de Droit français et étranger*. — 1999. — Vol. 77. — № 1. — P. 21–39. — P. 36.

¹⁷ См.: *Понкин И.В.* Концепт и онтология светского государства и светскости государства, многообразие моделей, дефектность идеологизированных подходов. — М.: Буки Веди, 2019. — 42 с. *Понкин И.В.* Современное светское государство: Конструктивная светскость. Конституционно-правовое исследование. — М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2006. — 390 с. *Понкин И.В.* Столетие французского закона о разделении церквей и государства. — М.: Изд-во УНЦ ДО, 2005. — 78 с. *Понкин И.В.* Светскость государства. — М.: Изд-во УНЦ ДО, 2004. — 466 с. *Понкин И.В.* Светскость государства и образования во Франции: взгляд на 2002–2003 гг. — М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2004. — 148 с. *Понкин И.В.* Правовые основы светскости государства и образования. — М.: Про-Пресс, 2003. — 416 с. *Понкин И.В.* Светскость: конституционно-правовое исследование. — М.: Общественные объединения, 2002. — 308 с.

ного канонического. Практическая актуальность темы также обосновывается имеющим сегодня место поиском Российским государством новых подходов и технологий регулирования общественных отношений (так называемый RegTech или LegalTech — регуляторные технологии и инструменты¹⁸), которые вполне стыкуемы в определённой своей части с эмитирующим своё влияние церковным каноническим правом.

Тема крайне важна для дальнейшего укрепления и развития самого канонического церковного права, тем более в условиях систематического уже враждебного поведения Вселенского Патриархата в отношении Русской Православной Церкви Московского Патриархата.

Вопросам природы и особенностей интерсекциональности и взаимного влияния церковного права и права государственного и посвящено наше исследование.

Одной из основных доминант производившихся нами поисков явился поиск по российской научной литературе до 1917 года, причём далеко не только точно по тематике канонического права, но по много более широким тематическим полям — по богословию, праву, философии, социологии, политической

---

¹⁸ См.: *Дегтярёв М.В.* Новейшие регуляторные технологии и инструменты: Регуляторные эксперименты, песочницы, гильотины, экосистемы, платформы / Под ред. И.В. Понкина / Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). — М.: Буки Веди, 2022. — 424 с. *Дегтярев М.В.* Будущее права. Инновационные публично-правовые режимы и новейшие (нетипичные) регуляторные технологии: Библиографический указатель / Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). — М.: Буки Веди, 2022. — 140 с.

науке, истории. Действительно осознать, понять, осмыслить роль, значение и влияние канонического права мы в состоянии на основе изучения источников, относимых к этим (другим, помимо богословия) отраслям и направлениям науки.

Источниковой основой нашего исследования выступила библиотека литературы XVII — начала XX века на русском языке в старой орфографии (более 3 тыс. томов) по церковному каноническому праву и многим другим тематическим направлениям, собранная и обработанная непосредственно нами (в сотрудничестве с иереем Владиславом Баганом, но с совершенно разными исследовательскими целями и задачами, с иными подходами) — в цифровом виде, снабжённая нами указателем (индексом)¹⁹. Дополнительным объёмом источников выступила подборка из сотен томов научной литературы по тематике истории и теории канонического (в данном случае — преимущественно католического) права на французском, итальянском, испанском и английском языках. Полностью соглашаясь с принципиальным суждением А. А. Ламанова относительно долженствования различения русской науки канонического права от западной²⁰, вместе с тем, считаем безус-

---

¹⁹ Церковное каноническое право; богословие и теология; церковные история, порядок, управление и жизнь; государство, Церковь и право; филология, искусство, философия и архивистика: Научно-библиографический указатель изданий на русском языке до 1917 года / Сост., авт. идеи и предисл.: Исидор, митрополит Смоленский и Дорогобужский (Тупикин Р.В.), Владислав Баган, свящ. / Смоленская православная духовная семинария. — Смоленск: Свиток, 2020. — 176 с. // <<https://state-religion.ru/index.php?p=post&id=73>>.

²⁰ Ламановъ А.А. Церковное право. — Санкт-Петербургъ: Типографія Вольфа, 1907. — 175 с. — С. 9–10.

ловно важным обращением к таким иностранным источникам (в чисто инструментальных целях).

И из указанного объёма уже было произведено исследование значительного массива зарубежных и отечественных научно-монографических (а равно научно-статейных и научно-диссертационных) работ по теме настоящего исследования и по связанным с ней вопросам, в том числе и прежде всего — научной литературы, отражающей отечественную дореволюционную научно-правовую мысль.

Это вполне разумно и резонно. Ибо, по мысли А. А. Завьялова, обоснованно искать понимание природы и результат взаимодействия церковного канонического права и права государственного не столько в канонических, сколько в исторических источниках²¹.

Одним из релевантных методологических путей для решения задачи оценки механизмов, онтологии и качеств взаимодействия церковного канонического права и права государственного является сравнительно-правовое исследование, сфокусированное на:

— сравнительном сопоставлении, соотнесении церковного канонического права и права государственного по некоторым формулируемым автором позициям такого сопоставления, с выявлением точек «столкновения» (влияния);

— исследовании зарубежного опыта (церковного канонического права и права государственного, государственного регулирования в этой сфере) с соотнесением в последующем с опытом российским;

---

²¹ Завьялов А. А. Вопросъ о церковных имѣніяхъ при Императрицѣ Екатеринѣ II. — Санкт-Петербургъ: Типогр. А. П. Лопухина, 1990. — С. 1.

– исследовании зарубежной научной мысли с соотнесением в последующем с российской научной мыслью.

Мы отталкиваемся от отправного посыла, что тщательное исследование зарубежного опыта взаимодействия церковного канонического права и права государственного (с исследованием референтной научной мысли) может и, полагаем, должно явиться тем теоретическим и методологическим субстратом, на основании которого возможно выкристаллизовать некоторые единые фундаментальные подходы к пониманию природы, форм, онтологии и значения влияния церковного канонического права на право государственное; а потом соотнести с исследуемым отечественным опытом, выкристаллизовать референтный понятийно-категориальный аппарат, построить стройную и целостную, тщательно обоснованную (прежде всего — исходя из эмпирики), методологически и логически выверенную научную доктрину, позволяющую прирастить и обобщить научное знание о заявленном научно-теоретическом и научно-практическом тематическом горизонте. Отсюда — такая выраженная доминанта иностранных источников в наших исследованиях.

Автором самостоятельно (ещё к созданию своей научной монографии 2019 года²², не совпадавшей с текстом кандидатской диссертации и много её продвинувшей и дополнившей) был собран и обработан следующий нормативный источниковый массив:

– массив соглашений между государством и религиозными организациями, отобранный по 31 зарубежному государству

²² *Исидор, митрополит Смоленский и Дорогобужский (Тупикин Р.В.). Недвижимые имущественные объекты религиозного назначения: Зарубежный опыт регулирования / Под ред. М.Н. Кузнецова /*

(Австрия, Андорра, Аргентина, Боливия, Босния и Герцеговина, Бразилия, Венгрия, Венесуэла, Восточный Тимор, Германия, Грузия, Доминиканская Республика, Исландия, Испания, Италия, Колумбия, Латвия, Литва, Нидерланды, Парагвай, Перу, Польша, Португалия, Сальвадор, Словакия, США, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Эквадор); всего было исследовано несколько сотен документов, из них было детально проанализировано свыше 120 документов — соглашения (конкордаты) и дополнительные договоры или протоколы к ним;

– законодательство и документы 51 зарубежного государства (Австралия, Австрия, Азербайджан, Аргентина, Армения, Болгария, Боливия, Босния и Герцеговина, Великобритания, Венгрия, Вьетнам, Греция, Грузия, Дания, Израиль, Индия, Испания, Италия, Канада, Колумбия, Латвия, Литва, Люксембург, Мексика, Монако, Нидерланды, Никарагуа, Новая Зеландия, Норвегия, Парагвай, Перу, Польша, Португалия, Румыния, Северная Македония, Сербия, Сингапур, Словакия, Словения, США, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Чили, Швейцария, Швеция, Эквадор, Эстония, Япония); было исследовано несколько сотен зарубежных нормативных правовых актов, из них детально проанализировано (и приведено в извлечениях) 75 зарубежных нормативных правовых актов в исследуемой сфере. Основаниями для отбора государств, чей опыт исследовался в настоящем издании, послужили критерии отбора референтных примеров из различных правовых систем, с различных континентов мира, что позволило обеспечить надлежащую объективность

РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». — Смоленск: Свиток, 2019. — 320 с.

проводимого научного исследования в части сравнительно-правового анализа зарубежного опыта.

Кроме того, учитывая, что, конечно же, ключевые аутентичные источники по церковному каноническому праву следует искать в области богословия/теологии, автором проведены работы по первичному сбору и обработке архивных материалов ряда религиозных организаций (Русской Православной Церкви Московского Патриархата, а также в целях компаративистики — Римской католической церкви).

Для исследования была применена разнообразная методология²³.

Отправной базовой проблемой, проектировочно исходно закладываемой в основу исследования, нами позиционируется научная недооценённость и проигнорированность значения влияния канонического права Православной Церкви (подчёркнём — положительного влияния) на право государственное, вызванная тем, что заявленные вопросы являются одними из наиболее слабо проработанных и даже слабо понимаемых в науке теологии и в правовой науке. При этом данный тематический горизонт очень «зашлакован»

²³ Мы опирались на следующий компендиум: *Понкин И.В., Лаптева А.И.* Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 3-е, дополн. и перераб. / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». — М.: Буки Веди, 2022. — 754 с. // <https://moscou-ecole.ru/2022/03/31/methodology_research_analytics_3_ed/>. *Понкин И.В., Редькина А.И.* Цитирование как метод сопровождения и обеспечения научного исследования. — М.: ИНФРА-М, 2019. — 86 с. *Понкин И.В.* О методологии прикладной аналитики: аналитическая разметка исследуемого текстового материала // Администратор образования. — 2022. — № 18. — С. 61–65.

идеологически мотивированными, необъективными суждениями и оценками, в том числе агрессивно навязываемыми отдельными лицами по основанию ненависти и нетерпимости к христианству.

В основу нашего исследования закладывается целый комплекс авторских научных гипотез, выдвигаемых для построения проектировочного замысла исследования, среди них наиважнейшие:

- о высоком значении влияния церковного канонического права на право государственное и через это на государство в целом;

- о том, что основным благополучателем и выгодоприобретателем влияния церковного канонического права на право государственное объективно выступает не столько Церковь, сколько государство;

- о существовании сложноонтологических имплицитных (неявных, неочевидных, скрытых) многозвеньевых, полилатеральных и разноприродных форм и механизмов существенного влияния церковного канонического права на право государственное и в целом взаимодействия этих двух нормативных порядко-устанавливающих систем; причём доминирующие способы и размерности такого влияния и взаимодействия варьируются в зависимости от эпохи (периода времени) и страны;

- о наличии немалых чисто формальных сходств во влиянии церковного канонического права на право государственное у Римской католической церкви и Русской Православной Церкви.

Говоря об отправной точке (лат. — «*terminus a quo*») во времени (такого нашего исследования вообще, в принципе)

и о верхней границе (лат. — «*terminus ad quem*») в таком исследовании первую мы бы обозначили первыми веками христианства, а вторую — текущим периодом времени и обозримым ближайшим будущим.

Автор выражает большую признательность Ю.Н. Апасовой (г. Воронеж) за оказанную помощь в переводческом консультативном сопровождении истолкования некоторых сложных для перевода мест в иностранных источниках, а также выражает признательность научным рецензентам.

ГЛАВА 1. КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ИНАЯ ТЕОРЕТИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА

§ 1.1. Для чего следует изучать мирским юристам каноническое право. Научный интерес к соотношению канонического права и права государственного

Многие авторы артикулируют вопрос о том, какой интерес может вызвать такое учение, как учение о каноническом праве, у студентов государственных юридических факультетов, на которые они завтра поступают для последующей работы юристом, мировым судьёй, нотариусом. Поскольку они не являются (не планируют быть) церковными должностными лицами, необходимо понимать обоснованность и, прежде всего, уместность этого обучения в системе государственных университетов. В конце концов, «специалисты» прекрасно знают, что в большинстве находящихся в обращении учебников по истории права отдельные разделы посвящены кодификации канонического права, а преподаватели курсов посвящают этой теме значительное количество часов уроков, не исключая простых отступлений теологического и/или идеологического порядка²⁴.

---

²⁴ Lo studio del diritto canonico [Изучение канонического права] // <<https://www.giappichelli.it/media/catalog/product/excerpt/9788892108325.pdf>>; <<https://docplayer.it/82717196-Introduzione-1-introduzione.html>>.

Фаустино де Грегорио обоснованно пишет, что каноническое право заслуживает преподавания студентам университетов и, в первую очередь, студентам юридических или, шире, гуманитарных факультетов, потому что оно способствует их формированию не только культурно, не только юридически, не только этически, но и ментально, поскольку это делает тех, кто его изучает, открытыми для новых гипотез на пути юридической подготовки под разные судебные и в целом правовые задачи, к чему они и призваны²⁵. По его мнению, предмет канонического права будет иметь основания для преподавания в государственном университете до тех пор, пока он ценится студентами независимо от содержания, которое его характеризует²⁶.

Как пишет Сами Мехмети, «повторное открытие дигестов Юстиниана и появление классического канонического права в XI веке знаменуют собой начало европейской правовой традиции. Римское право и каноническое право вместе образовали *ius commune*. В структуре и содержании коммуны римское право частично отвечало за юридическую

---

²⁵ *Gregorio, de F.* Lo studio del diritto canonico. Dalla ordinazione culturale alla codificazione autoritativa [Изучение канонического права. От культурного упорядочения к авторитетной кодификации]. Vol. 1.— Torino: G. Giappichelli Editore, 2018.— 274 p.

²⁶ «Lo studio del diritto canonico. Dalla ordinazione culturale alla codificazione autoritativa» di Faustino de Gregorio [«Изучение канонического права. От культурного упорядочения к авторитетной кодификации» Фаустино де Грегорио] // <<https://www.lettture.org/lo-studio-del-diritto-canonico-dalla-ordinazione-culturale-alla-codificazione-autoritativa-faustino-de-gregorio>>.

технику и сложность, тогда как каноническое право отвечало за общие принципы. Из обильной казуистики *Corpus iuris civilis* средневековые юристы извлекли огромную массу юридических понятий, концепций и институтов. Моральный и теологический авторитет канонического права сделал его менее формальным и техническим по сравнению с римским правом. Каноническое право ставило потребности справедливости как свою важнейшую особенность. Многочисленные принципы частного права, которые даже сегодня составляют основу систем континентального права, во многих случаях изначально были разработаны на основе канонического права. Сравнивая римское право с каноническим правом, средневековые юристы признали недостатки формалистического и часто чрезмерно технического римского права. Каноническое право предложило действенные решения этой проблемы. Это привело в конечном итоге к включению общих принципов канонического права в римское право и потере части технической части римского права. Этот процесс завершили естествоиспытатели XVII–XVIII веков»²⁷.

Научный интерес к соотношению канонического права и права государственного находил отражение в работах практически всех российских наиболее авторитетных специалистов по церковному каноническому праву (а равно по вопросам регулирования государственно-конфессиональных

---

²⁷ *Mehmeti S.* The influence of Canon Law on Ius Commune in its formative period // *SEEU Review*. — 2016. — Vol. 11. — № 2. — P. 155–166. — P. 164.

отношений) — что прошлых времён²⁸, что времени настоящего²⁹.

Согласно А. С. Павлову, «на православном востоке право, церковное по происхождению, и по содержанию своих норм всегда было церковным. Если же и там церковь входила иногда, как определяющий авторитет, в область светского, мирского права, то она никогда не придавала принципиального значения своей законодательной деятельности в этой области; с другой стороны, православная церковь никогда принципиально не отрицала права светской христианской власти — принимать

²⁸ *Гавриил, архим.* Понятіе о церковномъ правѣ и его исторія. — Казань, Университетская типогр., 1844. — 32 с. *Бердниковъ И. С.* Краткій курсъ церковнаго права Православной Греко-россійской Церкви, съ указаніемъ главнѣйшихъ особенностей католическаго и протестанскаго церковнаго права. — Казань: Типографія Императорскаго Университета, 1888. — ix; 294 с. *Горчаковъ М. И.* Церковное право: Краткій курсъ лекцій. — Санкт-Петербургъ; 1909. — 349 с. *Суворовъ Н. С.* Курсъ церковнаго права. Т. 1. — Ярославль: Типо-литографія Г. Фалькъ, 1889. *Павловъ А. С.* Курсъ церковнаго права. — Сергіевъ Посадъ, Типогр. Св.-Троицкой Сергіевой Лавры, 1902.

²⁹ *Messner F. etc.* Traité de Droit français des religions [Трактат о французском праве религий] / Sous la direction de F. Messner, P.-H. Prélot, J.-M. Woehrling. — Paris, Éditions du Juris-Classeur, 2003. — xvii; 1317 p. *Dufaux J. etc.* Liberté religieuse et régimes des cultes en Droit français. Textes, pratique administrative, jurisprudence. Nouvelle édition / Ed. par J. Dufaux, P. Dupuy, J.-P. Durand, C. Dutheil de la Rochère, F. Gasztowtt, M. Guillaume, A.-V. Hardel, B. Jeuffroy. — Paris, Les Éditions du Cerf, 2005. — xviii; 1853 p. *Kuttner S.* Natural law and canon law [Естественное право и каноническое право] // Natural Law Institute Proceedings. — 1950. — Vol. 3. — P. 83–116. *Цытин В.* *прот.* Курс церковного права. — Клин, 2004.

участие в образовании не только внешнего, но и внутреннего церковного права — под условием, конечно, чтобы светский законодатель действовал здесь так же, как действовала бы и сама церковь, т. е. в полном согласии с коренными началами церковного права и на основании или, по крайней мере, в духе положительных канонов древней Вселенской церкви»³⁰.

Каноническое право — это, согласно А. Лашуку, «наиболее ключевые нормы (правила) и административные постановления, которыми руководствуется христианское сообщество. Это слово происходит не только из христианской традиции, но и от греческого “κανών”, который является просто эталоном меры»³¹.

Принято выделять общее в каноническом праве разных церквей, даже и у Православных Церквей, и Римской католической церкви, и партикулярное. И эти части во взаимодействии с правом государственным онтологически различны, ведут себя по-разному. Но они всё равно взаимодействуют.

Каноническое право, именуемое А. С. Павловым законами церковного порядка, «как внешняя оболочка церковной жизни должно соответствовать внутреннему существу и жизненному назначению самой церкви»; и «церковному праву, так же, как и всякому другому, присущ характер принудительности, в том смысле, что оно возвышается над частною волею, действует

---

³⁰ Павловъ А. С. Курсъ церковнаго права.— Сергіевъ Посадъ: Типографія Св.-Троицкой Сергіевой Лавры, 1902.— С. 8.

³¹ Laschuk A. Law in the Catholic Tradition and the Question of Church and State [Роль канонического права в католической традиции и вопрос о церкви и государстве].— Ottawa: Cardus religious freedom institute, 2018.— 21 p.— P. 4. <<https://www.cardus.ca/research/law/reports/the-role-of-canon-law-in-the-catholic-tradition-and-the-question-of-church-and-state/>>.

на неё с силою необходимости. Конечно, церковь сама по себе не может принуждать физически, так, как принуждает к исполнению своих законов государство. Тем не менее, и она имеет своего рода нудящую и карательную власть, которою и действует против своих отдельных членов, нарушающих общий порядок церковной жизни. В этом нельзя сомневаться, если взять во внимание, что в исключительном распоряжении церкви находятся известные права и блага, которые, поэтому, она же может и отнять, например, права духовного сана, право каждого члена церкви на совершение для него известных церковных актов и т.п. Существование таких принудительных законов в церкви нисколько не противоречит христианскому учению о свободе воли: ибо кто признаёт себя членом Церкви, тот тем самым изъявляет волю и принимает на себя обязанность повиноваться её законам и соблюдать существующий в ней порядок. Нет и быть не может никакого принуждения ко вступлению в церковь, но кто уже принадлежит к ней, тот необходимо подчиняется её законам, так как они основаны на положительной божественной воле и поставлены условиями, при соблюдении которых только и возможно для отдельных лиц достижение цели, открывающейся для них в церковном союзе. Таким образом, принудительная сила церковно-юридических норм происходит не из простой необходимости церковного порядка, а из положения отдельных лиц в этом порядке... Очевидно, что в церковном праве, в отличие от мирского, моменты внешнего принуждения и внутренней личной свободы вполне совпадают... Вопрос о положении церкви в сфере мирского права. Здесь церковь вполне и всецело зависит от государства, которое может признавать, может и не признавать её в качестве публичной корпорации. Итак, чтобы правильно судить

об отношении церковного права к государственному, нужно постоянно иметь в виду различие внутреннего и внешнего права церкви. Признавая полную самостоятельность первого, мы несколько не ограничиваем естественных и необходимых прав государства относительно церкви, не ставим её выше государства или в международных отношениях к нему»³².

Трагедия революционных потрясений России в XX веке на долгие десятилетия отбросила юридическую и теологическую науки в их исследованиях точек соприкосновения и модусов пересечения и иного взаимодействия церковного канонического права и права государственного. В связи с государственной политикой отрицания почти всего ценного в дореволюционной науке и практике России доступ к архивам дореволюционных изданий был затруднителен. Впрочем, эта затруднённость больше проявляется на фоне современных тенденций цифровизации и, как следствие того, выставления для публичного доступа многочисленных старинных изданий. Как бы то ни было, но в современных научных изданиях отражение дореволюционной русской научной мысли объективно локализовано где-то в районе нуля.

Между тем, этот пласт более чем богат на идеи, позволяющие глубоко концептуализировать сложное нормативное пространство, где в определённой степени «гибридизируются» церковное каноническое право и право государственное, осмыслить и понять возможности и пути их референцирования.

Согласно И. С. Бердникову, «правовые нормы, по которым живёт и управляется Церковь, составляют особую область права, стоящую параллельно праву, получающему своё

³² Павловъ А.С. Курсъ церковнаго права.— Сергіевъ Посадъ: Типографія Св.-Троицкой Сергіевой Лавры, 1902.— С. 9–12.

происхождение и значение от государства. Церковные правила являются особым регулятором христианского общежития, стоящим наряду с государственным законом... Основание силы церковных правил совсем другое, чем у закона государственного... Церковное право имеет нравственно-принудительный характер... Несмотря на такое отличие от права, проистекающего из государственных полномочий, церковное право не лишается однако же права быть и называться правом... Для признания за известными нормами правового значения существенно необходимо лишь то, чтобы они осуществляли задачу всякого права — обеспечение порядка в правовом институте... Сходство права церковного с правом светским в существенном признаке всякого права и служит родственною связью между ними; эта общая черта их даёт нам возможность, без логического противоречия, с одной стороны, считать церковное право особой областью права, стоящей наряду с правом светским; а с другой — рассматривать и изучать его в связи с светским правом в одной общей системе юридических наук... Содержание науки церковного права определяется самой природой церковного организма, составляющего предмет науки церковного права»³³.

Н. Соколов писал, что ещё и в XVIII — первой половине XIX вв. в системе церковного образования изучению церковного права не придавалось должного значения: церковное право воспринималось лишь как дополнение к остальным частям богословской науки, «церковные законы были изучаемы только в духовных школах... и притом исключительно

³³ *Бердниковъ И.С.* Краткій курсъ церковнаго права Православной Церкви. Изд. 2-е., переработ. и доп. — Казань: Типо-литографія Императорскаго Университета, 1903. — 333 с. — С. i, iii–iv, vi.

с практической точки зрения. В духовных академиях предписано было читать Кормчую и книгу о должностях пресвитеров приходских для того, чтобы по выходе из школы, на церковной службе, прилагать свои знания к разным случаям, встречающимся в приходской практике. О научном характере и значении церковного права не было речи. Только с расширением факультетских специальностей, при новом распределении факультетских наук, церковное право, вместе с церковной историей, было отделено от богословия и ему указано было самостоятельное положение в ряду наук юридических. Это перемещение церковного права из одной группы наук в другую, из богословской в юридическую, совсем не было одною только внешнею перестановкой; оно должно было существенно повлиять на самый характер науки, переставить центры научного тяготения и отразиться на самом направлении науки. Я вовсе не думаю сказать, чтобы отделением церковного права от богословия разрывалась существенная связь его с христианскою догматикою и моралью, или чтобы перемещением церковного права в круг наук юридических для него указывались другие основания или вводились другие начала, противоположные тем, на которых наука доселе основывала свою систему. Нет. Введением церковного права в семью наук юридических указывается только новая задача, к разрешению которой должна стремиться эта наука, и новый метод, которым она должна идти к своей цели. Церковное законодательство, в связи с другими юридическими науками, должно быть обрабатываемо и изучаемо не с внешней только практически-утилитарной стороны и не с богословской точки зрения, но в связи со всем движением правой жизни человечества, во взаимодействии церковных и государственных

институтов... Наука церковного права будет уже не *theologia extrema* или *practica*, как называли её прежде, но становятся в живое отношение с другими юридическими науками»³⁴.

И это лишь немногие из драгоценных россыпей научной мысли о взаимодействии церковного канонического права и права государственного, о влиянии церковного канонического права на право государственное.

И мы полагаем совершенно необходимым вернуться к разработкам теологической, каноническо-правовой (впредь мы станем в ряде случаев называть её так) и юридической наук по этому тематическому горизонту.

Одним из наиболее сложных вопросов в юридической науке является вопрос об особенностях онтологии и содержания интерреляций разнородных и разноприродных акторов (игроков, субъектов) в сфере, где они условно равноправны и «равновелики», да ещё каждый со своей субстантивной и самореферентной регулятивной системой. Ландшафт взаимодействия государства с религиозными организациями крайне неоднороден — всё зависит от того, какова модель светского государства реализована и о каких именно религиозных организациях идёт речь. Ни о какой «уравниловке» речи быть не может, если мы говорим о референциях к реальному, а не выдуманному опыту³⁵.

---

³⁴ Соколовъ Н. О вліяніи Церкви на историческое развитие права // Московскія университетскія извѣстія. — 1870. — № 1. — С. 1–103. — С. 1–2.

³⁵ *Турікин R. V. etc. The place and importance of concordat in regulating relations between the state and religious organizations [Место и значение конкордата в регулировании отношений между государством и религиозными организациями] // Revista Dilemas*

Говорить о полярной взаимно-нетерпимой несходимости, принципиальной контрадикторности канонического права и права государственного — совершенно неосновательно.

Право государственное и право церковное каноническое (*Lex Canonica*), очевидно, совершенно различны по природе, источниковой основе, структуре и онтологии, но, вместе с тем, эти две нормативные системы сложным образом взаимодействуют, взаимно влияют друг на друга. И будущее государства, общества, Церкви в нашей стране в немалой степени зависит от того, как и в какой мере эти две системы взаимодействуют, и насколько мы в состоянии влиять на эти процессы, а для того и до того — хотя бы насколько мы в состоянии их понимать.

§ 1.2. Понятие, особенности природы и онтологии канонического права

В соответствии с определением, данным протоиереем Василием Певцовым, «церковное право в объективном смысле представляет собою совокупность всех норм или законов, которыми управляются жизнь и отношения Церкви как видимого самостоятельного общества. В смысле субъективном, оно есть совокупность различных прав и обязанностей, принадлежащих членам Церкви сообразно с различным положением их в церковном обществе»³⁶. Мы определяем церковное каноническое право (называя его как *Lex Canonica*) как целостную,

---

Contemporáneos: Educación, Política y Valores. — 2019 (Año VI). — № 3. — Artículo № 78.

³⁶ Певцовъ В.Г., *прот.* Лекції по церковному праву. — Санкт-Петербургъ: Типографія Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы,

субстантивную и самореферентную (порядкообразующую и порядкоподдерживающую) систему внеправовой (экстра-правовой) нормативной регламентации, принимаемой внутрицерковными властями и формирующей церковный канонический порядок и церковное каноническое нормативное пространство.

В российских источниках до 1917 года встречаются, по крайней мере, два наименования: «каноническое право» и «церковное право» (а как научная и образовательная дисциплина звучало ещё и третье наименование — «церковное законоведение»).

Согласно А.И. Поповицкому: «Каноническое право есть внутреннее право церкви, церковное право есть внешнее её право. Но это внешнее право есть ничто иное, как развитие, истолкование и приложение к частным случаям и внешнему положению церкви тех первоначальных её прав, которые вытекают из самого существа и цели бытия церкви, и находятся, следовательно, в неразрывной связи с внутренним её правом»³⁷.

И это вполне рациональный подход, но для наших исследовательских целей мы станем позиционировать понятия «каноническое право» и «церковное право» как синонимичные (хотя нам известны подходы, разграничивающие и обособливающие эти понятия, и помимо указанного автора³⁸).

1914. — 240 с. — С. 4.

³⁷ Поповицкій А.И. О преподаваніи богословскихъ наукъ въ университетахъ // Журналы засѣданій ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ. — Санкт-Петербургъ: Типографія Императорской академіи наукъ, 1862. — С. 362–363.

³⁸ См.: Павловъ А.С. Курсъ церковнаго права. — Сергіевъ Посадъ: Типографія Св.-Троицкой Сергіевой Лавры, 1902. — С. 7–9. Цыпин

Согласно Жану-Полю Дюрану и Жану Годеме, каноническое право (как часть институционального феномена внутренних законов и законов различных религий, религиозных конфессий, в том числе — каноническое право католической церкви, каноническое право православной церкви, англиканское право) — это системный свод нормативных установлений, но в отличие, например, от римского права, он всё ещё «живой» и, следовательно, всё ещё в действии, несмотря на значительные изменения за два тысячелетия его истории³⁹. Каноническое право по своей природе является правом присоединения, положения которого призваны поощрять, стимулировать, укреплять и защищать его⁴⁰.

Понятно, что каноническое право существенно различно с правом государственным, имеет свою очень существенную специфику, различающую его с правом государственным.

Согласно Оливье Эшаппе, «наблюдение, которое кажется очевидным с самого начала, состоит в их очевидной дифференциации: очевидно, что эти две нормативные системы [каноническое право и право государственное], каково бы ни было их историческое родство, сегодня совершенно различны. Они

В., прот. Каноническое право.— М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009.— 864 с.— С. 86.

³⁹ *Gaudemet J. Église et Cité* [Церковь и город].— Paris: Montchrestien; Cerf, 1994. *Durand J.-P. Code civil et droit canonique* [Гражданский кодекс и каноническое право] // *Pouvoirs*.— 2003/4.— № 107.— P. 59–79.— P. 65.

⁴⁰ *Passicos J. Droit canonique et droit comparé aujourd'hui. Renouveau d'une problématique?* [Каноническое право и сравнительное право сегодня: Возобновление проблемы] // *Revue internationale de Droit comparé*.— 1981, Janvier-mars.— Vol. 33.— № 1.— P. 17–31.— P. 27.

основаны, прежде всего, на принципах, ныне далёких друг от друга, а также претерпевших непараллельное развитие... Сегодня уже невозможно рассматривать противостояние гражданского права и канонического права в идеальной общественной логике, которая утверждала бы, что каждая из двух нормативных систем может законно существовать в своём порядке, не заботясь о другой системе, и в которой каноническое право удовлетворилось бы подтверждением своей субстантивной независимости, т.е. его претензией на его нормореализацию, несмотря на правовые системы многих суверенных государств, на территории которых присутствует Церковь»⁴¹.

И, как обоснованно указывает Антонио Падоа-Скиоппа, аналогия канонического права с правом (науки канонического права и юридической науки) лишь частична⁴², должна сопровождаться отрисовкой (позиционированием) условий и допущений. По словам Антонио Падоа-Скиоппа, существование закрытого набора богооткровенных книг, наделённых высшим значением, является фактом чрезвычайной важности для определения принципов канонического права. Достаточно вспомнить, сколько столпов церковного права основано на точных местах Писания. Если мы рассмотрим источники, над которыми работают канонисты, нас поразит их разнородность. Если мирские юристы, к при-

---

⁴¹ *Échappé O.* Droit canonique et Droit français [Каноническое право и Французское право] // *L'Année canonique*. — 2010. — Т. LII. — № 1. — P. 345–356. — P. 347, 350.

⁴² *Padoa-Schioppa A.* Réflexions sur le modèle du Droit canonique médiéval [Размышления о модели средневекового канонического права] // *Revue historique de Droit français et étranger*. — 1999. — Vol. 77. — № 1. — P. 21–39. — P. 26.

меру, XII века работали с однородным и закрытым набором юридических источников, то шахматная доска канонистов, напротив, уже тогда была гораздо шире. Этот разнородный набор источников, который, в свою очередь, сосуществует с разнородностью и противоречиями строго юридических источников, может в конечном итоге создать запутанную систему, без чётких линий и определённостей. Если это не подтверждается, то мы обязаны этому трём сопутствующим элементам: наличию двойной иерархии — иерархии норм и церковных институтов, к которым добавляется экзегетическая и систематическая деятельность доктрины канонистов. Принцип иерархии источников существует и проявляет свою эффективность в каноническом праве, поскольку позволяет классифицировать различные источники в соответствии с чётким приоритетом. К порядку, созданному иерархией источников, в свою очередь систематизированному правовой доктриной, добавляется порядок, исходящий из иерархической структуры Церкви⁴³.

По мнению Оливье Эшаппе, существует сильная специфика канонического права, заключающаяся как в связи, которую оно поддерживает с теологией, так и в том, что она открывает путь к теологии права, но и в конкретном образе божественного права. В отличие от него, специфика государственного права заключается в его позитивизме, его релятивизме, его гибкости, его изменчивости, даже его

---

⁴³ *Padoa-Schioppa A. Réflexions sur le modèle du Droit canonique médiéval* [Размышления о модели средневекового канонического права] // *Revue historique de Droit français et étranger*. — 1999. — Vol. 77. — № 1. — P. 21–39. — P. 22, 26–27.

случайности, причём все характеристики, очевидно, вытекают из его природы как права плюралистического общества⁴⁴.

Взгляд канониста — это, по Жану-Пьеру Шуппу, взгляд юриста, исследующего церковные общественные отношения. Иными словами, если экклезиолога будет интересовать Церковь (материальный объект) с точки зрения её отношения к Богу, то канонист будет изучать тот же материальный объект, но с точки зрения юстиции, права. Юристы-канонисты указывают, что, строго говоря, каноническая наука может относиться только к справедливости в церкви. Следовательно, она имеет формальный объект, отличный от богословия как частной науки. Квалификация канонического права как науки о справедливости и несправедливости никоим образом не мешает богословам продолжать использовать каноническое право как инструментальную науку. На самом деле, мы не видим, как они могли бы обойтись без этого. На самом деле, трудно понять, как они могли обойтись без него. Не это ли тоже удел философии, истории, филологии и многих других наук? Принято говорить о «священной филологии», «христианской философии», «священной истории» или даже о «религиозной психологии» и т.д. При этом эпистемологический статус дисциплины нельзя смешивать с её инструментальным использованием другой наукой. Эпистемологический статус канонического права должен вытекать из его неотъемлемой формальной и методологической специфики и не может варьироваться в зависимости от его инструментального использования в богословии. Статус канонического права как самостоятельной юридической науки не

⁴⁴ *Échappé O. Droit canonique et Droit français [Каноническое право и Французское право] // L'Année canonique. — 2010. — Т. LII. — № 1. — P. 345–356. — P. 346.*

претендует на независимость от данных Откровения, как и на непроницаемость для теологического содержания. Конечно, нужно будет и дальше подчёркивать, что канонист остаётся не в меньшей степени юристом. Его специфическая точка зрения — это точка зрения на отношения церковной справедливости. Взгляд, который он бросает на эти церковные общественные отношения, — взгляд юриста, ищущего измерения справедливости. Даже когда наблюдаемые общественные отношения оказываются раскрытыми тайнами, он постигает их через призму измерений справедливости (юстиции). Он при этом не превращается в богослова (в строгом смысле) и для этого будет следовать юридическому методу. Таким образом, каноническое право действительно является юридической наукой как в силу своего формального объекта, так и в отношении своего метода. В то же время мы вынуждены отметить, что перед нами юридическая наука, занимающая место среди священных или богословских дисциплин. Если каноническое право действительно, строго говоря, является юридической наукой с юридическим методом, его эпистемологический статус, тем не менее, становится более заметным благодаря включению явного указания на тайну Церкви. Имея юридическую природу, каноническая наука имеет дело с отношениями церковной справедливости и поэтому необходимо помещает канониста в богословскую сферу в широком смысле. Именно это богословское измерение канонической науки позволяет юристу узнать требования церковной справедливости из данных Откровения, истолкованных учительством и полученных в свете Веры, и обеспечить их соблюдение для большего блага церкви и её верующих. Вот почему инструментальное использование канонического права в богословии не имеет значения

для определения его эпистемологического статуса — каноническое право выступает, в конечном счёте, как юридическая наука внутри священных или богословских дисциплин⁴⁵.

По Пьеру-Иву Конде, важно также, что особенность доктринального построения права также заключается и в том, как именно оно воздействует, какова природа этого воздействия. Каноническое право не обладает теми же достоинствами, что и право государственное: основное свойство государственного (публичного) права состоит в том, чтобы превращать споры в судебные тяжбы, увязывать с юридической квалификацией фактов конкретные дела с правовыми режимами и приводить судебные решения в исполнение⁴⁶. У канонического права функционально-телеологическая (целевая) нагрузка иная. Антонио Падоа-Скиоппа обрисовывает картину, подчёркивающую эту особенность, выраженную оригинальность (определённую субстантивность) канонического права в классическую эпоху по сравнению с другими древними или средневековыми правовыми системами, посредством шести пар понятий, взаимосвязанных, хотя иногда явно и противоречащих друг другу (текстуальность и контекстуальность, гетерогенность и иерархия, традиция

---

⁴⁵ *Schoupe J.-P.* Le statut épistémologique du Droit canonique: un essai de synthèse [Эпистемологический статус канонического права: эссе о синтезе] // *Ius canonicum*. — 1999. — Vol. 39. — № Extra 1. — P. 81–96. — P. 89–90, 95–96.

⁴⁶ *Condé P.-Y.* La fragilité du Droit. «Déthéologisation» et «théologisation» du droit canonique après Vatican II [Хрупкость права: «детеологизация» и «теологизация» канонического права после Второго Ватиканского собора] // *Droit et société*. — 2006/2. — № 63. — P. 527–551. — P. 547.

и инновация, юрисдикция и законодательство, строгость и гибкость, осмос и разделение)⁴⁷.

С точки зрения светского государства и государственного права, в контексте разделения между религиями и государством право религиозной конфессии (каноническое право), указывает Жан Пасикос, рассматривается как разновидность частного саморегулирования, выбираемого и принимаемого для себя определённым количеством граждан, с учётом условий, предусмотренных государственным правом. При этом государственное право в какой-то мере учитывает данные религиозного права, но, как правило, не напрямую⁴⁸.

§ 1.3. О соотношении науки канонического права и теологической науки

Вопрос о соотношении науки церковного канонического права и теологической науки далеко не так прост, как это могло бы показаться на первый взгляд, и в любом случае — не самый исчерпывающе обсуждённый.

(Мы отождествляем для современной реальности понятия «церковное право» и «каноническое право». И мы не склонны

---

⁴⁷ *Padoa-Schioppa A. Réflexions sur le modèle du Droit canonique médiéval* [Размышления о модели средневекового канонического права] // *Revue historique de Droit français et étranger*. — 1999. — Vol. 77. — № 1. — P. 21–39. — P. 21, 22.

⁴⁸ *Passicos J. Droit canonique et droit comparé aujourd'hui. Renouveau d'une problématique?* [Каноническое право и сравнительное право сегодня: Возобновление проблемы] // *Revue internationale de Droit comparé*. — 1981, Janvier-mars. — Vol. 33. — № 1. — P. 17–31. — P. 17.

современное государственное правовое регулирование правового положения и функционирования церквей и отношений с ними помещать (относить) в пределы границ церковного права, считая такой подход для дня сегодняшнего неактуальным).

Между тем, нарастающее развитие системы присуждения учёных степеней кандидата и доктора теологии в России (при отсутствии на сегодня защищённых докторских диссертаций по тематике канонического права) поднимает вопрос об относимости тем, связанных с каноническим правом и его взаимодействием с правом государственным к содержанию научной специальности по теологии.

Представленные в научных работах объяснения соотношения науки церковного канонического права и науки богословия

Мы можем сколь угодно говорить о самоочевидности соотношения науки канонического права и теологической науки, но без ясного проговаривания всех существенных содержательных аспектов и вопросов такого соотношения названная самоочевидность была бы мнимой, неосновательной.

Между тем, уже в трудах дореволюционных отечественных исследователей канонического права мы находим ответы на многие из этих вопросов — если не впрямую, то давая устойчивые концептуальные основания и операциональные знания для их рассмотрения и решения.

Приведём некоторые извлечения из ставших уже классическими отечественных дореволюционных трудов по каноническому праву.

По архимандриту Гавриилу, «предмет наук богословских преимущественно относится к внутренней стороне веры и нравственности христианской: предмет церковного права преимущественно касается внешнего благоустройства церкви. Церковное право есть богословие раскрытое в законах и законоправильных, а особенно обрядовых и таинственных действиях, составляющих видимую жизнь церкви... Совершенный церковный законоискусник, кроме основательного познания философских и богословских наук, во всей обширности должен знать гражданские законы, с коими церковные так же соединены, как душа с телом»⁴⁹.

По А. С. Павлову, «церковное право и составляет предмет особой юридической науки, которая разделяет его название. По своему содержанию, наука церковного права находится, правда, в тесной связи с богословскими науками. Так, из догматического богословия она берёт основные понятия о церкви, её цели и средствах, из нравственного богословия заимствует истины христианской морали, в которых раскрывается дух и мотивы церковно-юридических норм; церковная история знакомит нас с фактами, под влиянием которых произошла та или другая церковно-юридическая норма или образовался целый канонический институт. Но все указанные заимствования из богословских наук не изменяют характера науки церковного права «как юридической. Она имеет дело исключительно с правом церкви, и все чисто богословские элементы в своём содержании подчиняет юридической точке зрения, излагает их только с юридической стороны... Присутствие богословских элементов в нашей науке нисколько не мешает ей оставаться

⁴⁹ *Гавриил, архим.* Понятіе о церковномъ правѣ и его исторія.— Казань: Университетская типогр., 1844.— 32 с.— С. 5, 15.

наукою юридическою в строгом смысле этого слова. Но связь её с юриспруденцией не есть только формальная, состоящая в подчинении всего своего содержания юридической точки зрения, но и материальная, устанавливаемая во многих отношениях единством содержания... Нормы [канонического] права, как императив для внешней деятельности членов церкви в отношении друг к другу и ко всей церкви, настолько же отличаются от нравственных предписаний христианской религии, насколько право вообще отличается от морали: первые относятся к внешним действиям членов церковного общества, последние — к внутренним мотивам этих действий»⁵⁰.

Согласно прот. М. И. Горчакову, «церковное право находится в связи с кругом юридических, политических и социальных наук. Но Церковное право имеет ту отличительную особенность, что в нём имеет особенное значение религия. Стало быть, наука церковного права должна соприкасаться и с чисто религиозными, богословскими понятиями, рассматриваемыми в кругу богословских наук. В частности с церковным правом входят в соприкосновение следующие богословские науки. Догматическое богословие даёт основание для разъяснения в церковном праве таких институтов, которые относятся к божественной стороне церкви, например, к таинствам. Но в догматическом богословии они рассматриваются с чисто религиозной стороны, в церковном праве — со стороны права. Нравственное богословие, излагающее идеальное учение о христианской нравственности и представляющее те принципы нравственной жизни, на которых развивается право церкви. Литургика, излагающая и объясняющая церковное богослужение, даёт

⁵⁰ Павловъ А. С. Курсъ церковнаго права.— Сергіевъ Посадъ: Типогр. Св.-Троицкой Сергіевой Лавры, 1902.— С. 15, 16, 9.

понятие об обрядовой стороне церкви, в которой выливается иногда правовая сторона церковных установлений, входящих в состав церковного права. Наконец, церковная история, церковная статистика и география также служат вспомогательными науками для церковного права и, следовательно, могут содействовать иногда к разъяснению тех или других сторон церковного правоведения»⁵¹.

Согласно Н. К. Соколову, «Ведением церковного права в семью наук юридических указывается только новая задача, к разрешению которой должна стремиться эта наука, и новый метод, которым она должна идти к своей цели. Церковное законодательство, в связи с другими юридическими науками, должно быть обрабатываемо и изучаемо не с внешней только практически-утилитарной стороны и не с богословской точки зрения, но в связи со всем движением правовой жизни человечества, во взаимодействии церковных и государственных институтов. Каноны церкви должны явиться при таком изучении не внешними только нормами для чисто практической деятельности, но выражением исторических, бытовых отношений церковной жизни в связи с общим строем государственных учреждений. Наука церковного права будет уже не *theologia externa* или *practica*, как называли её прежде, но становится в живое отношение с другими юридическими науками»⁵².

Вышеприведённые извлечения из трудов известных правоведов-канонистов позволяют сделать выводы о том, что наука церковного канонического права находится в неразрывном

⁵¹ Горчаковъ М.И., *прот.* Церковное право: Краткій курсъ лекцій. — Санкт-Петербургъ, 1909. — 349 с. — С. 5.

⁵² Соколовъ Н.К. О вліяніи Церкви на историческое развитие права // Московскія университетскія извѣстія. — 1870. — № 1. —

единстве и сложной интерсекциональности с теологической наукой, но при этом наука церковного канонического права субстантивна и в немалой степени самореферентна (коль скоро, параллельно с теологией наука церковного канонического права опирается на многие общие с нею источники), при этом наука церковного канонического права наследует и заимствует и из общей теории права и из теории судебного права, ряда других правоведческих направлений, из теории управления и теории организации, которые, впрочем, тоже находят стыковки с теологией.

Однако остаётся незакрытым важный вопрос о формализации этого вывода и о его формализованной привязке к нормативным документам, определяющим содержание научной специальности «Теология».

**Обоснованная относимость проектируемого
исследования интерреляций канонического права
Православной Церкви и права государственного
к ранее действовавшим научным специальностям
«Теология» и «Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве»**

Шифр научной специальности, в рамках которой нами производятся научные разработки, — 26.00.01 «Теология» действующей российской номенклатуры научных специальностей.

Проектировочно в построении нашего научного исследования закладывается также и вторая научная специальность, предполагая возможность защититься по двум специальностям, включая защиту на соискание учёной степени доктора

юридических наук по научной специальности 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» (в любом случае без ущерба для полного соответствия специальности 26.00.01).

Представляется существенно важным разобраться в том, насколько исследовательско-тематический горизонт влияния канонического права Православной Церкви на право государственное подпадает под специальность «Теология», а также под правоведческую специальность.

Соответствие проектируемого и производимого нами исследования заявляемой специальности 26.00.01 «Теология» обеспечивается (запроектировано обеспечение) исходным планировочным и последующими подтверждающими соотношениями цели и задач проектируемого исследования, объекта и предмета исследования, исследовательских проекций и траекторий, выдвигаемых исследовательских гипотез, изыскиваемой и отбираемой (под задачи обработки) эмпирической, нормативной и иной источниковой основы, содержания исследования, ожидаемых (примерно планируемых) научных её результатов — паспорту вышеуказанной научной специальности в актуальной редакции (с градацией по областям исследований — в привязке к области исследований «Православная теология»).

Конкретно, вышеуказанные исходные условия и элементы проектируемого исследовательского процесса и ожидаемые (примерно планируемые) научные его результаты соотношены с излагаемым в паспорте специальности 26.00.01 «Теология» (в актуальной редакции в привязке к области исследований «Православная теология») её содержанием («формулой специальности»):

– исследование канонического права Православной Церкви (канонического корпуса её внутренних мультимодальных и разнотипных нормативных установлений и соответствующих императивных интерпретаций) очевидным образом включает (не может не предусматривать) в себя систематическое изучение христианской богословской традиции, её источников, истории и современного состояния православного христианства;

– предметно-объектную область исследования канонического права Православной Церкви (и сопряжённые области), действительно, составляют христианская вера, история и методология её изучения, православное христианство в совокупности его концептуально-теоретических, практических и культурно-исторических выражений (в церковно-канонической правоведческо-теологической исследовательской и объяснительной проекции);

– формулировки паспорта: «область исследований, на основе сложившихся в рамках православного христианства методологических подходов, с применением методологий общественных и гуманитарных наук, раскрывает в межконфессиональном... и иных контекстах содержание христианского вероучения, практику религиозной жизни, историю... православного христианства как традиционной для России конфессии» и «важной частью предметного поля области исследований является изучение современных процессов в российском и зарубежном православии, отношения православия к конфессиональным и религиозным традициям; иным... организациям; историческим, социальным, ... политическим процессам; а также к... государству и обществу в целом» — в полной мере относима к исследованию природы и онтологии церковного

канонического права и влияния церковного канонического права на право государственное.

Вышеуказанные исходные условия и элементы проектируемого исследовательского процесса и ожидаемые (примерно планируемые) научные его результаты соотнесены с излагаемыми в паспорте специальности 26.00.01 «Теология» (в актуальной редакции в привязке к области исследований «Православная теология») её направлениями исследований:

– пункт 1.7 «Каноническое право. История и методология права христианских конфессий. Источники канонического права. Правовые отношения церкви и государства. Брачное право и церковная судебная система»; [далее в извлечениях или за изъятиями]; пункт 1.10 «Наука и теология. Научное знание в истории христианского богословия. Богословское осмысление истории и современного состояния... социальных и гуманитарных наук. Диалог науки и религии»; пункт 1.11 «...Христианская антропология. Политическая теология. Теологический анализ актуальных проблем современности»; пункт 1.15 «...Церковно-иерархическое служение: история и современная практика. Состав и устройство церкви... Институциональные аспекты, практика и основные формы церковной жизни. Социальные учения и практики христианских конфессий: история и современность. Организационные формы социального служения в христианстве»; пункт 1.16 «...Межконфессиональный и межрелигиозный диалог» раздела «Направления исследований» паспорта названной специальности — прямое и полное соответствие заявленной темы исследования, «прямое попадание»;

– каноническое право Православной Церкви имеет самое непосредственное отношение к указанному в пункте 1.1 раздела

«Направления исследований» паспорта системе и структуре теологического знания, в том числе в ретроспективной аналитической развёртке («становление и историческое развитие богословской мысли»); методология исследования природы и онтологии церковного канонического права чётко соотносима с методологией теологии как науки и как исследовательской системы координат, включая ценностные, гносеологические и методологические особенности теологического исследования; теология в системе научного знания не может не включать научное знание о каноническом праве Православной Церкви;

– каноническое право Православной Церкви имеет самое непосредственное отношение к указанным в пункте 1.2 раздела «Направления исследований» паспорта библеистике и библейским исследованиям, в том числе в части соответствующей методологии библейских исследований, включая, в числе прочего, исследование как в ретроспекции (истории канонического права и его взаимодействия с правом государственным), так и в привязке к современности, в контексте истории религии и культуры;

– каноническое право Православной Церкви невозможно адекватно исследовать без привязки к традиции его церковного понимания и толкования, а потому его исследование непосредственно и неразрывно связано с исследованием указанных в пункте 1.3 раздела «Направления исследований» паспорта патристики и патрологии, без опоры на патристическое богословие и без отсылок к нему, без применения методологии патрологических исследований, патрологического источниковедения, текстологии и герменевтики;

– основа нормативного корпуса канонического права Православной Церкви — это церковная догма (корпус церковных

догм), в силу чего исследование канонического права непосредственно и неразрывно связано с исследованием указанных в пункте 1.4 раздела «Направления исследований» паспорта догматического богословия, истории догматических учений, православного вероучения в систематическом и сравнительном аспектах;

– каноническое право Православной Церкви и в целом православное христианское вероучение выступает практически с самого начала своего возникновения до раскола 1054 года (и предшествовавших этому событий) основным воспроизводителем, основой и источником Нравственного Закона, нравственной традиции и понимания нравственности всей Европейской цивилизации, а после этого событийного периода — в отношении всех православных стран, в силу чего исследование канонического права Православной Церкви непосредственно и неразрывно связано с исследованием указанных в пункте 1.5 раздела «Направления исследований» паспорта нравственного богословия, истории развития и изучения нравственного богословия, христианской прикладной этики; и ко всему этому, очевидно, имеет самое непосредственное и прямое отношение исследование влияния церковного канонического права на право государственное.

Полагаем важным отметить и чёткое соответствие проектируемого и производимого нами исследования паспорту специальности в его старой редакции, которая давала более детализированную развёртку содержания названной научной специальности (а в силу этого обоснованно произвести сопоставление и с той редакцией паспорта специальности).

Соответствие проектируемого и производимого нами исследования заявляемой специальности 26.00.01 «Теология»

обеспечивается (запроектировано обеспечение) исходным планировочным и последующими подтверждающими соотношениями цели и задач исследования, объекта и предмета исследования, исследовательских проекций и траекторий, выдвигаемых исследовательских гипотез, изыскиваемой и отбираемой (под задачи обработки) эмпирической, нормативной и иной источниковой основы, содержания исследования, ожидаемых (примерно планируемых) научных её результатов — паспорту вышеуказанной научной специальности в редакции от 2015 года⁵³.

Конкретно, вышеуказанные исходные условия и элементы проектируемого исследовательского процесса и ожидаемые (примерно планируемые) научные его результаты соотношены с излагаемым в паспорте специальности 26.00.01 «Теология» (в редакции от 2015 года) её содержанию («формуле специальности»):

– каноническое право Православной Церкви (канонический корпус её внутренних мультимодальных и разноприродных нормативных установлений и соответствующих императивных интерпретаций) составляет один из базовых разделов теологии и тесно связано с вероучением Православной Церкви;

– надлежащее исследование канонического права невозможно без обращения к историческим формам канонического права и его генезису, к религиозному культурному наследию (в части касающейся канонического права) в различных кон-

---

⁵³ Паспорт научной специальности «Теология» (Шифр специальности: 26.00.01) / Одобрен президиумом Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, протокол президиума от 25.09.2015 № 24, рекомендация № 24/555.

текстах, без обращения к вопросам взаимодействия канонического права с иными онтологическими системами, в том числе, через практическую деятельность религиозной организации, её религиозное служение;

- каноническое право Православной Церкви тесно и самым непосредственным образом связано с религиозным культурным наследием в различных контекстах и находит выражение, в том числе, через практическую деятельность религиозной организации, её религиозное служение;

- каноническое право Православной Церкви имеет самое непосредственное отношение к значимым аспектам церковной религиозной жизни и церковной религиозной традиции;

- лексическая конструкция паспорта: «Теологическое исследование направлено на выявление, анализ и интерпретацию значимых аспектов религиозной жизни и их соотнесение с нормами конкретной религиозной традиции» — в принципе, написано под любые темы, связанные с исследованием канонического права, если их исследование и репрезентация результатов по ним попадают в пределы устоявшегося понимания содержания теологической науки;

- каноническое право Православной Церкви имеет самое непосредственное отношение к истории и современному состоянию отношения религиозной организации к другим конфессиональным учениям и организациям, а также к государству и обществу.

Кроме того, конкретно, вышеуказанные исходные условия и элементы проектируемого исследовательского процесса и ожидаемые (примерно планируемые) научные его результаты соотнесены с излагаемой в паспорте специальности 26.00.01 «Теология» (в редакции от 2015 года) её областью исследования:

– пункт 11 «История, содержание и актуальная проблематика внутренних правовых норм конфессий»; пункт 12 «Практическая деятельность в религиозной традиции, её вероучительные, правовые и нравственные основания»; пункт 23 «Религиозный фактор в политике, политическая тематика в теологии»; пункт 16 «Нравственная теология и аскетика» (в части нравственной теологии) и пункт 25 «Социальное учение религиозной традиции» раздела «Области исследования» — прямое и полное соответствие заявленной темы исследования, «прямое попадание»;

– пункт 1 «Система и структура теологии и теологического образования» раздела «Области исследования» — в части того, что обучение каноническому праву неотъемлемо связано с теологическим образованием, а научные знания о каноническом праве входят в систему и структуру теологического знания;

– пункт 2 «Становление и историческое развитие теологии. Классики и современные представители теологической мысли» раздела «Области исследования» — в части того, что среди классиков и современных представителей теологической мысли особое место занимают специалисты по каноническому праву, их канонически верные труды имеют существенное значение в теологическом научном наследии; теология Православной Церкви как наука развивалась в тесной и неразрывной взаимосвязи с наукой (научным направлением) канонического права Православной Церкви;

– пункт 3 «Методология теологии» раздела «Области исследования» — в части того, что методология научного направления церковного канонического права находится в прямой и неразрывной взаимосвязи с методологией теологической науки;

– пункты 4 «Теологический анализ сакральных текстов, вероучительной литературы и памятников религиозной письменности» и 5 «Изучение историко-археологического и религиозно-культурного контекста сакральных текстов и их толкование в данном контексте» раздела «Области исследования» — в части того, что исследование церковного канонического права немыслимо без теологического анализа сакральных текстов, вероучительной литературы и памятников религиозной письменности, без изучения историко-археологического и религиозно-культурного контекста сакральных текстов и их толкования в данном контексте, а таковые методологические подходы имманентно связаны с научным направлением церковного канонического права, составляют его основу; то же касается пунктов 6 «Вероучение религиозной традиции» и 7 «Религиозная апологетика» раздела «Области исследования», также составляющих исследовательскую онтологическую основу в каноническом праве;

– пункт 8 «Сравнительно-теологические исследования» раздела «Области исследования» — в части того, что поднять тематику влияния церковного канонического права на право государственное совершенно невозможно даже на сколь-нибудь серьезном уровне без задействования инструментариев компаративистики (сравнительно-правового метода), тем более, на проектируемо-фундаментальном уровне познания заявленного тематического горизонта;

– пункт 9 «История конфессии, конфессиональная историография» раздела «Области исследования» — в части того, что исследование церковного канонического права и уж тем более исследование влияния церковного канонического права

на право государственное требует обращения к историческим аспектам, к ретроспективному анализу.

Соответствие проектируемого и производимого нами исследования заявляемой специальности 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» обеспечивается (запроектировано обеспечение) исходным планировочным и последующими подтверждающими соотношениями цели и задач исследования, объекта и предмета исследования, исследовательских проекций и траекторий, выдвигаемых исследовательских гипотез, изыскиваемой и отбираемой (под задачи обработки) эмпирической, нормативной и иной источниковой основы, содержания исследования, ожидаемых (примерно планируемых) научных её результатов — паспорту вышеуказанной научной специальности.

Конкретно, вышеуказанные исходные условия и элементы проектируемого исследовательского процесса и ожидаемые (примерно планируемые) научные его результаты соотнесены с излагаемым в паспорте специальности 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» её содержанию («формуле специальности»): «Методологические исследования теоретического и исторического познания права и государства, учений о праве и государстве»; «история права и государства и истории учений о праве и государстве»; «проблемы, категории, понятия, гипотезы, идеи, модели, конструкции, отражающие современный уровень знаний об общих закономерностях возникновения, развития и функционирования права»; «концепции эволюции права»; «процессы и условия развития правовых систем, институтов, структур и форм права, идей и концепций права в их исторических связях и логических отношениях»; «система философских,

общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность, историзм и компаративизм изучения права и государства».

Кроме того, конкретно, вышеуказанные исходные условия и элементы проектируемого исследовательского процесса и ожидаемые (примерно планируемые) научные его результаты соотнесены с излагаемой в паспорте специальности 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» её областью исследования (в извлечениях): 1.1. Предмет и метод общей теории права... Методологические основания теоретического исследования права... Онтология и гносеология права. Место теории права и государства в системе юридических наук и её связь с социогуманитаристикой. Теоретическая юриспруденция и юридическая практика. Сравнительное правоведение и сравнительное государствоведение. 1.2. Нормативное регулирование в обществе. Генезис права. Концепции возникновения права. Обычай и обычное право. Общее и особенное в эволюции права. 1.3. Понятие и сущность права. Философско-методологический плюрализм и понимание права. Теории правопонимания. 1.4. Социальная роль и функции права. Принципы права. Право и правосознание. Правовая культура. 1.5. Право в системе социального нормативного регулирования современных обществ. Соотношение и взаимодействие права с иными социальными нормами. 1.6. Типы права и правовых систем. 1.7. Формы (источники) права. Нормативные правовые акты, закон и законодательство. Правовой обычай. Правовая доктрина. 1.8. Правообразование. 1.14. Толкование права. Способы толкования права. Виды толкования права. Акты толкования права. 1.18. Тенденции развития права. Эволюционное развитие и реформы. 1.23. Государство в политической системе

общества. Государство и общественные объединения. 1.24. Государство и личность. Права человека. 2.1. Предмет и метод истории права и государства. Методологические основания исторического исследования права. Место истории права в системе юридических и социальных наук. 2.2. Проблемы периодизации эволюции отечественного права и государства. 2.3. Предпосылки возникновения права и государства в Древней Руси. Древнерусское обычное право: генезис и особенности содержания. Христианизация Руси, её воздействие на развитие государства и правовых институтов. Церковное и светское право на Руси. 2.4. Право и государство средневековой Руси и др. 2.12. Предмет и метод истории права и государства зарубежных стран. 2.16. Государственность арабских народов и мусульманское право. 2.18. Право и государство новейшего времени (XX в.). 3. История правовых учений о праве и государстве.

Нами также была доказана (в настоящую монографию не вошло) резонная и правомерная, основательная и обоснованная относимость проектируемого исследования интерреляций канонического права Православной Церкви и права государственного к новым научным специальностям: 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки» и 5.11.1 «Теоретическая теология (по исследовательскому направлению: православие)», 5.11.2 «Историческая теология (по исследовательскому направлению: православие)», 5.11.3 «Практическая теология (по исследовательскому направлению: православие)».

Приведённые выше выкладки однозначно позволяют судить об относимости (и соответственно — обоснованности отнесения) проектируемого исследования влияния канонического права Православной Церкви на право государственное к научным специальностям теологии и «Теоретико-исторические правовые науки».

ГЛАВА 2. ИНТЕРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ПРАВОМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ: РЕТРОСПЕКТИВНОЕ, СОВРЕМЕННОЕ И ПЕРСПЕКТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

§ 2.1. Две обособленные, но интерсекциональные системы нормативного регулирования

Вопросы соотношений, референций, взаимодействий государственного права и права церковного канонического, тем более, в части влияния последнего на право государственное столь же сложны и малопроработаны, сколь и актуальны.

Церковь (как организация людей) живёт и функционирует не в безвоздушном пространстве, нередко нуждаясь в том, чтобы прибегать к праву государственному и даже судебной государственной системе, к правоохранительным органам государства. Впрочем, здесь всё ясно: уголовные преступления явно не относятся к юрисдикции религиозной организации.

Но много более неоднозначная и сложно-онтологичная ситуация с корреляцией канонического права и гражданского права.

Поскольку каноническое право обладает уникальной природой, исходно проистекающей из системообразующих религиозных постулатов христианства, и, как писал Е. Н. Темниковский, «цели церквей не только лежат вне государственных задач, но и вообще трансцендентны по отношению к земному миру; они заключаются в содействии человеку в достижении им вечного спасения, пред абсолютной, несравнимой ценностью которого

для верующего отступают все ценности земной жизни»⁵⁴, то не может быть ни совпадения, ни подмены между этими двумя масштабными нормативными системами. Вместе с тем такие и не являются полярно антагонистичными по отношению друг к другу (исключение — большевистский режим в нашей стране с 1917 по конец 1930-х гг.) или принципиально несопрягаемыми. Всё ж таки, как писал П. А. Лашкарёв, Церковь непосредственно связана с исторически сложившимся естественно-правовым порядком общего жития людей⁵⁵.

Хотя у такого сопряжения и такой интерсекциональности есть свои пределы, на которые (например, в части невозможности взятия Церковью на себя полномочий карать в уголовном и уголовно-процессуальном порядке преступников) указывал ещё прот. Михаил Горчаков⁵⁶. Неприемлемость взятия на себя Церковью не просто избыточных, но прямо разрушительных функций — тех, что по общему правилу берёт на себя государственная власть, и выступает, таким образом, «разлиновщиком» границ между двумя указанными нормативными системами — правом церковным и правом государственным (но подчеркнём, граница не абсолютна, и имеются наложения,

---

⁵⁴ *Темниковский Е. Н.* Положение Императора Всероссийскаго въ русской православной церкви въ связи съ общимъ учениемъ о церковной власти: Историко-догматическій очеркъ. — Ярославль: Типографія Губернскаго правления, 1909. — 72 с. — С. 70.

⁵⁵ *Лашкарёвъ П. А.* Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ. Изъ чтеній по церковному праву. 2-е исправ. и дополн. изданіе. — Кіевъ: Изданіе книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1889. — xiv; 213 с. — С. 40.

⁵⁶ *Горчаковъ М. И., прот.* Церковное право: Краткій курсъ лекцій. — С.-Петербургъ, 1909. — 349 с. — С. 214–215.

пересечения). Именно это определяет и то, что Церковь и не стремится закрыть своим урегулированием (церковным правом) все сегменты, каверны, направления общественных отношений, такая задача не рассматривается даже чисто теоретически. Как отмечал Н. А. Заозерский, ни в коем случае нельзя втискивать право православной церкви в прокрустово ложе чуждых для него форм и чуждой ему юридической логики⁵⁷.

Собственно пункт IV. 5 Основ социальной концепции Русской Православной Церкви⁵⁸ предлагает концептуально-определённое разведение этих двух систем, отмечая центральное системообразующее положение Божественного Откровения в каноническом праве созданной Господом Иисусом Христом Церкви, при этом «если иные религиозные законоустановления даны для отпавшего от Бога человечества и по природе своей могут быть частью гражданского законодательства, то христианское право принципиально надсоциально. Оно непосредственно не может быть частью гражданского законодательства, хотя в христианских обществах и оказывает на него благотворное влияние, являясь его нравственным основанием».

По словам Е. Н. Темниковского, «проникновение народа нравственными началами христианства в высшей степени

---

⁵⁷ *Заозерский Н.А.* О церковной власти. Основоположения, характеръ и способы примѣненія церковной власти въ различныхъ формахъ устройства церкви по учению православно-каноническаго права. — Сергіевъ Посадъ: Типографія А.И. Снегирёвой, 1894. — iv; xiii; 458 с. — С. vi.

⁵⁸ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, принятые Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000 г. — М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000.

желательно и для государства»⁵⁹. И мосты между двумя нормативными системами проводились систематически на всём протяжении истории христианства, разве что кроме самых первых веков христианства, историю которых мы будем вынуждены оставить за рамками исследования. Как отмечал А. С. Павлов, «полная система самобытного церковного права развилась ещё в те времена, когда государство (именно Римская Империя) игнорировало церковь или даже прямо преследовало её»⁶⁰.

В том числе это происходило на чисто субъективном человеческом уровне, на уровне межличностных профессиональных отношений. Юристы государства активно контактировали с юристами по каноническому праву. Как писал Н. А. Заозерский, ещё в первом тысячелетии ко двору патриарха сходились лучшие силы, а патриарший синод в Константинополе в эпоху наивысшего благосостояния патриаршества был высшей практической школой церковного законоведения⁶¹. Этот обмен между мирскими юристами и церковными правоведами обеспечивал более чем существенное влияние, но, конечно же, даже существенно меньшее, нежели объём влияния, оказывавшийся госу-

---

⁵⁹ *Темниковский Е. Н.* Положение Императора Всероссийского въ русской православной церкви въ связи съ общимъ учениемъ о церковной власти: Историко-догматическій очеркъ. — Ярославль: Типографія Губернскаго правленія, 1909. — 72 с. — С. 70–71.

⁶⁰ *Павловъ А. С.* Курсъ церковнаго права. — Сергіевъ Посадъ: Типографія Св.-Троицкой Сергіевой Лавры, 1902. — С. 11.

⁶¹ *Заозерскій Н. А.* О церковной власти. Основоположенія, характеръ и способы примѣненія церковной власти въ различныхъ формахъ устройства церкви по учению православно-каноническаго права. — Сергіевъ Посадъ: Типографія А. И. Снегирёвой, 1894. — iv; xiii; 458 с. — С. 251.

дарственным правителем и/или его ближайшим окружением, самопозиционировавшими себя как верующие христиане, на всю систему законодательства и власти в государстве.

Правда, была проблема «отыгрывания всего назад», когда «вслед за православными государями восходили на него неправославные»⁶², но эти периоды заканчивались возвращением к власти следующих поколений верующих людей. И влияние в таких случаях шло и в обратную сторону, как например, в случае права престолонаследия в Российской Империи⁶³.

Влияние церковного права на право государственное в нашей стране сопровождалось ещё и той спецификой, что вместе с христианством на Русь пришли и корпуса нормативных установлений и нормативных порядков из Византийской Империи. По словам протоиерея Василия Певцова, вместе с христианством перешли в России из Греции каноны Вселенской Церкви, также и церковно-гражданские постановления Византийской

---

⁶² Обзоръніе греко-римскихъ законовъ въ отношеніи къ Церкви. Статья вторая. Законы Императора Іустиніана Великаго (527–565) // Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія. 1850. Часть LXV. — Санкт-Петербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1850. — С. 21–59; 161–202 соотв. раздела нумерации Отделения II. — С. 161–163.

⁶³ См.: *Темниковскій Е.Н.* Положеніе Императора Всероссійскаго въ русской православной церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти: Историко-догматическій очеркъ. — Ярославль: Типографія Губернскаго правленія, 1909. — 72 с. — С. 3–4. *Заозерскій Н.А.* О церковной власти. Основоположенія, характеръ и способы примѣненія церковной власти въ различныхъ формахъ устройства церкви по ученію православно-каноническаго права. — Сергіевъ Посадъ: Типографія А.И. Снегирёвой, 1894. — iv; xiii; 458 с. — С. х.

империи, и в славянских Кормчих книгах интегрировались чисто гражданско-правовые нормативные установления из византийских сборников⁶⁴.

«Мосты» между каноническим правом и правом государственным наводятся и в рамках сферы действия государственного нормативно-правового регулирования статуса и деятельности церковных учреждений (в целом в сфере религии). В разные эпохи и в разных государствах способы и меры такого урегулирования варьировались, различались, но по крайней мере хоть в какой-то мере были всегда, и это предопределяет пересечение предметно-объектных сфер регулирования у этих двух рассматриваемых нами нормативных систем.

Как писал прот. Василий Певцов, «значение государственных законов в церковном праве имеет тесную связь с положением, занимаемым Церковью в государстве, со взаимоотношениями между ними. Вообще Православная Церковь признаёт обязательными для себя государственные законы страны, когда они относятся к той внешней, человеческой, стороне церковного устройства и управления, которой Церковь соприкасается с государственным устройством, и когда эти законы не противоречат существенным целям Церкви, её внутренним Богом дарованным правам»⁶⁵.

Но есть и обратное воздействие, когда, например, в семейном праве церковное право имплицитно, а то и явно влияет,

---

⁶⁴ Певцовъ В.Г., прот. Лекції по церковному праву.— Санкт-Петербургъ: Типографія Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы, 1914.— 240 с.— С. 17.

⁶⁵ Певцовъ В.Г., прот. Лекції по церковному праву.— Санкт-Петербургъ: Типографія С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1914.— 240 с.— С. 14.

вторгается, даже образуя определённый меланж (подмес), в сферу нормативного воздействия права государственного.

И таких сфер, на самом деле, немало. В нашем исследовании мы обозначим и объясним это на целом ряде примеров.

§ 2.2. Существенность и разноприродность взаимного влияния двух различных регуляторных систем — права канонического и права государственного

Источником многих современных правовых институтов является церковное право, список их обширен. Легисты средневековых императоров и иных правителей были весьма хорошими канонистами и опирались на богатейшее юридическое наследие церкви для поддержки авторитета своего властелина. В брачно-семейных делах, в области публичного права, современная демократия смогла использовать методы голосования и выборов, разработанные в Церкви⁶⁶. Совершенно невозможно не замечать, пишет Оливье Эшаппе, узы родства (если не детско-родительских отношений), которые объединяют римское право, каноническое право и национальное право тех или иных европейских государств, в частности французское право⁶⁷. Оливье Эшаппе даже ставит под сомнение правомерность и научную

---

⁶⁶ *Passicos J.* Droit canonique et droit comparé aujourd'hui. Renouveau d'une problématique? [Каноническое право и сравнительное право сегодня: Возобновление проблемы] // *Revue internationale de Droit comparé*. — 1981, Janvier-mars. — Vol. 33. — № 1. — P. 17–31. — P. 26.

⁶⁷ *Échappé O.* Droit canonique et Droit français [Каноническое право и Французское право] // *L'Année canonique*. — 2010. — T. LII. — № 1. — P. 345–356. — P. 346–347.

обоснованность использования устоявшейся лексической конструкции «романо-германское право», указывая: «И, вероятно, не будет лишним внести таким образом вклад в реабилитацию термина “римско-канонический” для обозначения великой семьи континентальных прав, которую тенденция, не обязательно обусловленная случайностью, стремится сегодня грубо редуکتивно заменить на “романо-германскую” (этот термин не в полной мере раскрывает суть и значения романо-канонического права)»⁶⁸.

Согласно Джону Линчу, всегда было довольно легко признать, что богословие, особенно в средние века, способствовало созданию и развитию церковного канонического права. Однако менее известно то, что каноническое право, когда-то хорошо структурированное, в свою очередь, привело к большим изменениям в правовых системах народов, государств. Христианизирующиеся общества заимствовали в своём законодательстве способы мышления и действия от Церкви. И это становилось всё более частым и более очевидным с рождением университетов в XIII веке. Вклад средневекового канонического права в английское право, на которое оно оказывало до середины XIV века весьма существенное влияние, как в публичном, так и в частном праве (брак, завещания и др.), был очень велик; каноническое право оставило неизгладимый отпечаток на англо-американской правовой системе, что объясняет нынешний интерес североамериканских учёных к средневековому каноническому праву⁶⁹.

⁶⁸ *Échappé O.* Droit canonique et Droit français [Каноническое право и Французское право] // *L'Année canonique*. — 2010. — Т. LII. — № 1. — P. 345–356. — P. 347.

⁶⁹ *Lynch J.E.* The canonical contribution to English Law (to circa 1500) [Канонический вклад в английское право (примерно до

Каноническое право исторически повлияло на многие современные институты, в том числе конституционные, отмечается в издании под руководством Доминика Шаньолло. Чаще всего концепции конституционного права вытекают непосредственно из размышлений теологов и канонистов. Это относится к идеям государства, суверенитета и неделимости, а также к идеям, касающимся статуса магистратов или естественных и неотъемлемых прав человека. Более того, такое происхождение имеет и сама идея секуляризма, непосредственно восходящая к галликанской традиции⁷⁰.

Как отмечает Брижит Басдеван-Годеме, средневековое каноническое право составляет основу многих правовых институтов публичного или частного права, процесс, отражающий общество, определяющее себя прежде всего как христианское. Историки [европейского] права подробно разбирали вопросы канонического происхождения избирательных механизмов, европейских конституционных систем, юридических процедур, брачно-семейного права и т. д. И представляет существенный интерес, как происходил процесс эволюции и секуляризации различных институтов путём поиска элементов, сведений или ценностей, которые право, будь то каноническое или государственное, защищает, поощряет или утверждает⁷¹.

1500 г.) // *Studia Canonica* (Ottawa).— 1999.— Vol. 33.— № 2.— P. 505–525.

⁷⁰ *Les origines canoniques du droit constitutionnel* [Канонические истоки конституционного права] / Sous la direction de Dominique Chagnollaud.— Paris: Éditions Université Panthéon-Assas, 2009.— 120 p.

⁷¹ *Basdevant-Gaudemet B. Du «religieux» à «l'utilité publique»; Droit canonique et sécularisation du XVIe au XXe siècle* [Переход от «религии» к «общественной пользе»; каноническое право и секуляри-

Центр притяжения в каноническом праве (в людском исчислении) — Церковь, она занимается устройством повседневной жизни христиан, верующих, которые становятся и являются членами Церкви через принятие крещения и подчиняются церковным нормативным установлениям просто по факту вхождения в Церковь членом общины, становления верующим, подчиняются в церковных делах церковной священнической иерархии. Таков религиозный порядок. Изначально (во всяком случае уже после появления королей/императоров-христиан) религиозный порядок был представлен, согласно Брижит Басдеван-Годеме, как важнейшая составляющая порядка в государстве. Государственная власть выступала от имени короля по божественному праву защитником религии. Уважение к католической церкви изначально было основным мотивом королевского вмешательства и, по крайней мере, единственным официально выраженным мотивом. С тех пор королевская власть выступала в качестве гаранта как религиозных интересов, так и интересов королевства, причём они во многом пересекались. «Полезность» оценивалась по «религиозности» в процессе ассимиляции. И долгое время почти во всех западных странах, будь то католические, реформатские или православные, порядок выстраивался согласно максиме *cujus regio ejus religio* (лат. — «чья страна — того религия»), которая означает, что религия территории обязательно является религией подданных и той, которую должен исповедовать властитель, правящий этими регионами и народами. Те, кто не исповедует эту религию, исключаются из Церкви, нации,

---

ризация XVI–XX вв.] // Revue d'Histoire ecclésiastique (Université Catholique de Louvain). — 2013. — Vol. 108. — № 1. — P. 144–164. — P. 144.

государства или, по крайней мере, определяются чужаками⁷². В этих условиях интерсекциональность (пересекаемость, взаимное наложение с проникновением) права канонического и права государственного были просто неминуемы.

Обоснованно можно говорить, что из нормативной реальности, выстраивавшейся как «на силовых несущих конструкциях» на каноническом праве или производных канонического права, выросло государственное (мирское) право. Жан-Поль Дюран отмечает, что в формировании европейских правовых систем часто подчёркивается роль римского права: сначала римского права античности, затем римского права, формировавшегося веками — с каноническим правом, а затем без него — поколениями юристов в средневековых университетах и позже современных. В этом юристы искали ответы на вопросы, встречавшиеся в практике, которая опиралась в основном на архаичные обычаи. Некоторое время назад историки древнего и канонического права во Франции обратились к исследованиям и других правовых областей — тех, где смешение римского, канонического и дореволюционного французского права привело к становлению нормативной рациональности, которой по сей день обязаны многие правовые институты⁷³. И Анн Лефевр-Тейяр писала, что «из этого сложного порядка,

---

⁷² *Basdevant-Gaudemet B.* Du «religieux» à «l'utilité publique»; Droit canonique et sécularisation du XVIe au XXe siècle [Переход от «религии» к «общественной пользе»; каноническое право и секуляризация XVI–XX вв.] // *Revue d'Histoire ecclésiastique* (Université Catholique de Louvain). — 2013. — Vol. 108. — № 1. — P. 144–164. — P. 147–148.

⁷³ *Durand J.-P.* Code civil et droit canonique [Гражданский кодекс и каноническое право] // *Pouvoirs*. — 2003/4. — № 107. — P. 59–79. —

а также из чрезвычайной политической воли» просто должен был появиться Гражданский кодекс⁷⁴. Но и обратное влияние тоже имеет место. Как пишет Жан-Поль Дюран, каноническое право, если оно зародилось почти за два тысячелетия до наполеоновского кодекса, тем не менее, является правом, которое практиковало [имя в виду Римскую католическую церковь] явление кодификации (а вопрос о кодификации является важным референтным гносеологическим вопросом) лишь в начале XX века⁷⁵.

Каноническое право Церкви и государственное право

Каноническое право Церкви и государственное право — эти две системы нормативной регламентации имеют немалое число сходств, пересечений, точек соприкосновения, но имеют и множество очень существенных различий и даже определённых противоречий.

Каноническое право регулирует священническую и связанную с нею иную религиозную, а также религиозно-мотивированную благотворительную и образовательную деятельность,

---

Р. 59–60. // <<https://www.cairn.info/revue-pouvoirs-2003-4-page-59.htm>>.

⁷⁴ *Lefebvre-Teillard A.* Introduction historique au droit des personnes et de la famille [Историческое введение в личное и семейное право]. — Paris: Presses Universitaires de France, 1996. — Р. 9.

⁷⁵ *Durand J.-P.* Code civil et droit canonique [Гражданский кодекс и каноническое право] // *Pouvoirs*. — 2003/4. — № 107. — Р. 59–79. — Р. 63, 64. // <<https://www.cairn.info/revue-pouvoirs-2003-4-page-59.htm>>.

в целом сферу духовности. Тогда как государственное право регулирует совокупность мирских вопросов. Эти две системы различаются и по своему происхождению, и по своей онтологии.

Как отмечает Джон Кафлин, каноническое право следует отличать от светских правовых систем в силу того, что высшей целью Церкви «остаётся спасение душ»⁷⁶.

Взаимодействие между Церковью и государством может принимать и принимало различные формы, при этом, однако, каноническое право никогда не могло рассматриваться как отрасль публичного права или часть правопорядка, выходя за его рамки, поскольку духовное бытие человека не является частью его гражданского бытия. Такой подход к определению взаимодействия канонического права и публичного права корректен даже в отношении тех ситуаций, когда церковное и публичное управление совпадают, как, например, в Ватикане⁷⁷.

При этом Римская католическая церковь признаёт законную публичную власть⁷⁸. Схожи природа и механизмы признания

---

⁷⁶ *Coughlin J.J.* Canon law [Каноническое право] // Notre Dame Law School Legal Studies Research Paper. — 2007. — № 07-27. — 26 p. — P. 1. // <https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=982132>.

⁷⁷ *Kuttner S.* Natural Law and Canon Law [Естественное право и каноническое право] // Natural Law Institute Proceedings. — 1950. — Vol. 50. — P. 85-116. — P. 87. // <https://scholarship.law.nd.edu/cgi/viewcontent.cgi?filename=7&article=1003&context=natural_law_proceedings&type=additional>.

⁷⁸ *Laschuk A.* The Role of Canon Law in the Catholic Tradition and the Question of Church and State [Роль канонического права в католической традиции и вопрос о церкви и государстве]. — Hamilton: Cardus Religious Freedom Institute, 2019. — 21 p. — P. 8.

православными Церквями законной публичной власти в государстве.

Зачастую предметом канонического права и государственного права являются схожие области общественных отношений, однако церковными органами и органами публичной власти используются различные подходы.

К примеру, как отмечал в 1965 году Томас Мартин, имеют место определённые сходства и различия в способах отношения к несовершеннолетним в соответствии с каноническим правом и законодательством штатов США. Это объясняется разными целями, которые преследует каждая из систем права. Церковь заботится о духовном благополучии детей, их подготовке к будущей жизни через наставления в христианской вере и таинства. Государство, с другой стороны, имеет своей целью обеспечение благополучия своих граждан и, следовательно, стремится защищать несовершеннолетних от возможного вреда, как физического, так и психологического⁷⁹.

Также необходимо отметить существование проблемы, связанной с возможностью толкования государственными судами норм канонического права при рассмотрении соответствующих категорий дел.

Понимание канонического права требует глубокого понимания церковных традиций и писаний. И такое понимание есть

---

⁷⁹ *Martin T. Minors in Canon Law // Marquette Law Review. — 1965, Summer. — Vol. 49. — № 1. — P. 87–107. — P. 106. // <<https://scholarship.law.marquette.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=2567&context=mulr>>.*

далеко не у многих судебных органов, хотя без него толкование канонического права будет попросту некорректным⁸⁰.

Существует множество теорий, призванных объяснить взаимодействие канонического права и права государственного.

Есть теории «канонического антиюрицизма» («*canonical antijuridicism*»), утверждающего, что каноническое право церкви представляет собой полярно-противоречивое явление по отношению к праву и не совместимо с ним; есть теории, утверждающие, что любое нормативное регулирование можно отождествить с законом государства; что для того, чтобы быть истинным законом, государство должно быть его создателем⁸¹.

Согласно нашей теории, речь должна идти о сложной динамической онтологии, конструктивном сосуществовании и определённой комплементарности (взаимной достраиваемости) канонического права и права государственного.

Особенности развития канонического права во взаимодействии с государственным правом: ретроспективный взгляд

Формирование сегодняшней системы канонического права происходило под влиянием, главным образом, римского права, на этот факт указывают многие исследователи.

---

⁸⁰ *Perciaccante M.* Courts and Canon Law // *Cornell Journal of Law and Public Policy*.— 1996.— Vol. 6.— № 1.— P. 171–209.— P. 209. // <<https://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1203&context=cjlpp>>.

⁸¹ *Errazuriz Mackenna C.J.* Justice in the Church: A Fundamental Theory of Canon Law.— Montreal: Wilson & Lefleur Ltée, 2009.— P. 4–5, 7, 20, 26.

Так, к примеру, обращаясь к истории, Уильям В. Бассетт образно отмечает, что каноническое право «вернуло жизнь мумифицированному телу римского права»⁸².

Никакая другая правовая система не оказала столько глубокого влияния на каноническое право, как древнеримское право, обе эти системы, как отмечает Патрик Дж. Хейс, «часто шли рука об руку»⁸³.

Эйменн Холл указывает, что сама по себе система канонического права во многом обязана влиянию римского права, а также гражданского права континентальной европейской системы права⁸⁴.

Особым (и повышенноинформативным, и важным, и мало исследованным) пластом источников для исследований сути, природы, онтологии канонического права и его взаимодействия с правом государственным являются средневековые источники.

Как писал Джеймс Брандэдж, «каноническое право занимало уникальную нишу среди правовых систем, процветавших

⁸² *Bassett W. W. Canon Law and the Common Law* [Каноническое право и общее право] // *Hastings Law Journal*. — 1978. — Vol. 29. — № 6. — P. 1383–1419. — P. 1410. // <https://repository.uchastings.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2565&context=hastings_law_journal>.

⁸³ *Hayes P. J. Catholic ecclesiastical law* [Католическое экклезиастическое право] // *The Encyclopedia of Christian Civilization. First Edition* // Ed. by G. T. Kurian. — Hoboken (New Jersey, USA): Blackwell Publishing, 2011. — 6 p. — P. 1. // <<https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9780470670606.wbec1580>>.

⁸⁴ *Hall E. G. Reflections of a Common Law Lawyer on the Canon Law* [Размышления юриста по общему праву о каноническом праве] // *Studies: An Irish Quarterly Review*. — 2013, Spring. — Vol. 102. — № 405. — P. 81–94. — P. 92. // <<https://www.jstor.org/stable/23631146?seq=1>>.

в период высокого и позднего средневековья. В то время как большинство правовых систем было ограничено конкретным регионом или местностью, каноническое право превратилось в действующее и часто довольно эффективное международное право. За сравнительно небольшим исключением, одни и те же канонические правила применялись повсюду в латинском христианском мире. Канонисты часто были очень мобильны в обществе, где и географическая, и профессиональная мобильность были редкостью. Мужчины, получившие образование в юридических школах Болоньи и других признанных центрах канонического обучения, могли и практиковали своё ремесло практически где угодно. Они фигурируют в записях в удивительном разнообразии ролей — епископов или архидиаконов, королевских судей или послов, адвокатов и прокуроров, профессоров и подестов. Каноническое право отличалось ещё и тем, что, по крайней мере, его правила применялись одинаково ко всем, независимо от пола, класса или социального положения. Таким образом, династические союзы между королевской семьёй на верхнем уровне социальной шкалы и крестьянскими браками на нижнем уровне подчинялись одному и тому же корпусу канонических брачных правил. Это, конечно, не означает, что на практике канонические суды относились к князьям и пахарям беспристрастно. Каноническая правовая система, как и любая другая, часто — возможно, слишком часто — не соответствовала своим идеалам. Однако примечательно то, что беспристрастное равенство вообще было каноническим идеалом»⁸⁵.

---

⁸⁵ *Brundage J.A. Medieval canon law* [Средневековое каноническое право]. — New York: Routledge, 2013. — xii; 260 p. — P. 2–3.

По словам Джеймса Брандэджа, «большинство записей европейского средневековья являются юридическими документами. Они включают в себя такие вещи, как уставы, реестры, судебные приказы, контракты, завещания, судебные списки, налоговые отчёты и другие письменные документы гражданского управления. Они также включают церковные правовые документы, такие как каноны соборов и соборов, сборники церковных законов, книги актов и документы церковных судов, епископские реестры, мандаты, меморандумы, формуляры, монастырские картуляры⁸⁶ и множество других артефактов церковной администрации. Подобным образом хроники, анналы и другие повествовательные источники, на которые также опираются историки, обычно заполнены отчётами о судебных процессах и других юридических действиях, которые возникают в результате имущественных споров, договоров, преступлений и наказания злоумышленников, не говоря уже о домашних делах, таких как браки, приданое, разводы и распоряжение имуществом. Всё это имело серьёзные юридические последствия и регулировалось правовыми нормами, многие из которых носили сугубо технический характер... Соответственно, некоторое понимание средневековых законов и юридических соглашений имеет важное значение для изучения почти любой грани средневековой жизни. Но какие законы? Средневековые законы были очень разнообразны. Множественные правовые системы сосуществовали и накладывались друг на друга в одном городе или регионе, каждая со своими сложными правилами и соглашениями, а также соб-

⁸⁶ Здесь, картуляр — сводный документ, содержащий основания и содержание прав, привилегии монастырей и прочих церковных учреждений. — *Прим. авт.*

ственной системой судов, которые их применяли. Поместное право, феодальное право, муниципальное право, королевское право, морское право, торговое право, римское право и каноническое право — всё это в средневековых общинах прижилось друг к другу “щекой к щеке”»⁸⁷.

Церковь является человеческим сообществом, поэтому использование знаний, накопленных в правовой традиции, очевидно, подходит и для её организации, с учётом обеспечения сохранения специфики религиозного сообщества⁸⁸.

По мнению Джона Кафлина, каноническое право может оцениваться по аналогии с гражданским правом, поскольку направлено на установление общественного порядка, который гармонизирует интересы отдельных индивидов и сообществ, обеспечивает мир, гарантирует свободу и устанавливает справедливость⁸⁹.

Каноническое право во многом схоже с гражданским правом по ряду элементов⁹⁰.

---

⁸⁷ *Brundage J.A.* Medieval canon law [Средневековое каноническое право]. — New York: Routledge, 2013. — xii; 260 p. — P. 1–2.

⁸⁸ *Orsy L.* Theology and Canon Law. New Horizons for Legislation and Interpretation [Теология и каноническое право. Новые горизонты для законодательства и интерпретации]. — Collegeville, 1992. — P. 187.

⁸⁹ *Coughlin J.J.* Canon law [Каноническое право] // Notre Dame Law School Legal Studies Research Paper. — 2007. — № 07–27. — 26 p. — P. 1.

⁹⁰ *Laschuk A.* The Role of Canon Law in the Catholic Tradition and the Question of Church and State [Роль канонического права в католической традиции и вопрос о церкви и государстве]. — Hamilton: Cardus Religious Freedom Institute, 2019. — 21 p. — P. 8.

В актах, составляющих корпус канонического права, зачастую содержатся отсылки к нормам гражданского права либо в форме непосредственных ссылок на конкретные категории норм, либо в форме указания на необходимость обращения к нормам гражданского права по соответствующим вопросам. Некоторые юридические значимые действия также могут иметь определённые последствия с точки зрения канонического права (например, если речь идёт об усыновлении)⁹¹.

Так, у католиков, в соответствии с Каноном 22 Кодекса канонического права от 25 января 1983 года, «гражданские законы, к которым отсылает право Церкви, в каноническом праве следует соблюдать с теми же последствиями — в той мере, в какой они не противоречат Божественному праву, и если каноническим правом не предусмотрено иного»⁹².

В Кодексе канонического права Римской католической церкви от 25 января 1983 года содержится множество отсылок к нормам гражданского права (к необходимости соблюдать их). В частности, многие авторы отмечают следующие ключевые направления, на которые сделан акцент:

- семейные правоотношения;
- осуществление имущественных прав;

---

⁹¹ *Laschuk A. The Role of Canon Law in the Catholic Tradition and the Question of Church and State [Роль канонического права в католической традиции и вопрос о церкви и государстве]. — Hamilton: Cardus Religious Freedom Institute, 2019. — 21 p. — P. 10.*

⁹² Кодекс канонического права. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. — 621 с. // <http://www.vatican.va/archive/cod-iuris-canonici/russian/codex-iuris-canonici_russian.pdf>.

- правовое положение отдельных лиц (в частности, в данном нормативном акте содержатся положения, определяющие своего рода правоспособность и дееспособность физических лиц в рамках системы канонического права);
- международное право.

Влияние канонического права на государственное право

Влияние канонического права на государственное право может быть рассмотрено в двух основных аспектах:

- влияние канонического права на историческое развитие правовых систем;
- обеспечение защиты современным законодателем автономности религиозных организаций с должным учётом их специфики.

По мнению Уильяма Бассета, каноническое право придало западной правовой традиции отличительный признак законодательства, которое одновременно является рациональным и постоянно меняющимся живым элементом в постоянно развивающейся социальной структуре⁹³.

Безоговорочно признаётся влияние канонического права на континентальные правовые системы, в то время как его влияние на англо-американские системы права сведено к минимуму⁹⁴.

⁹³ *Bassett W. W. Canon Law and the Common Law* [Каноническое право и общее право] // *Hastings Law Journal*.— 1978.— Vol. 29.— № 6.— P. 1383–1419.— P. 1410.

⁹⁴ *Martínez-Torrón J. Comments on the Influence of Canon Law on the Common Law Legal Tradition* [Комментарии о влиянии

При этом всё же исследователи подчёркивают тот факт, что многие принципы канонического права повлияли и на развитие системы общего права⁹⁵.

Несмотря на различия между континентальной и англосаксонской системами права, всё же по-разному и разными путями каноническое право сыграло определённую роль в формировании обеих правовых традиций⁹⁶.

Уильям Бассетт отмечает, что в настоящее время никто не может точно измерить влияние средневекового канонического права на развитие общего права, однако такое влияние было велико и продолжительно⁹⁷.

В частности, в рамках англосаксонской системы права именно из католического канонического права были восприняты определённые концепции и доктринальные подходы пенитенциарной системы Римской католической церкви. В частности,

---

канонического права на правовую традицию общего права] // *Revue générale de droit*. — 1989. — Vol. 20. — № 1. — P. 5–30. — P. 7. // <<https://www.erudit.org/en/journals/rgd/1989-v20-n1-rgdo4474/1058354ar.pdf>>.

⁹⁵ *Hall E. G.* Reflections of a Common Law Lawyer on the Canon Law [Размышления юриста по общему праву о каноническом праве] // *Studies: An Irish Quarterly Review*. — 2013, Spring. — Vol. 102. — № 405. — P. 81–94. — P. 92. // <<https://www.jstor.org/stable/23631146?seq=1>>.

⁹⁶ *Martínez-Torrón J.* Comments on the Influence of Canon Law on the Common Law Legal Tradition [Комментарии о влиянии канонического права на правовую традицию общего права] // *Revue générale de droit*. — 1989. — Vol. 20. — № 1. — P. 5–30. — P. 8.

⁹⁷ *Bassett W. W.* Canon Law and the Common Law [Каноническое право и общее право] // *Hastings Law Journal*. — 1978. — Vol. 29. — № 6. — P. 1383–1419. — P. 1419.

одной из иллюстраций этого является отход от принципов объективного вменения в сторону индивидуализации уголовной ответственности, смещение акцента с преступления на преступника⁹⁸.

Хавьер Мартинес-Торрон указывает, что континентальная правовая традиция корнями уходит в римское право, постепенно была сформирована под влиянием канонического права, а позднее испытала влияние рационализма и правового позитивизма⁹⁹.

Патрик Дж. Хейс отмечает, что цивилистические подходы часто используют понятие справедливости — концепции, изначально почерпнутой из библейской традиции¹⁰⁰.

Один из принципов, традиционно характеризовавших англо-американскую систему права, принцип верховенства закона является наследием влияния именно христианского канонического права¹⁰¹.

---

⁹⁸ *Martínez-Torrón J.* Comments on the Influence of Canon Law on the Common Law Legal Tradition [Комментарии о влиянии канонического права на правовую традицию общего права] // *Revue générale de droit.* — 1989. — Vol. 20. — № 1. — P. 5–30. — P. 13.

⁹⁹ *Martínez-Torrón J.* Comments on the Influence of Canon Law on the Common Law Legal Tradition [Комментарии о влиянии канонического права на правовую традицию общего права] // *Revue générale de droit.* — 1989. — Vol. 20. — № 1. — P. 5–30. — P. 6.

¹⁰⁰ *Hayes P.J.* Catholic ecclesiastical law [Католическое экклезиастическое право] // *The Encyclopedia of Christian Civilization. First Edition* // Ed. by G. T. Kurian. — Hoboken (New Jersey, USA): Blackwell Publishing, 2011. — 6 p. — P. 1.

¹⁰¹ *Martínez-Torrón J.* Comments on the Influence of Canon Law on the Common Law Legal Tradition [Комментарии о влиянии

Рассматривая опыт Испании, Иштван Соос отмечает, что благодаря историческим корням сотрудничества между католической церковью и испанскими органами публичной власти, можно наблюдать существенное влияние канонического права на систему испанского гражданского права. В частности, особенно это верно для законодательства о браке, поскольку некоторые термины и концепции испанского законодательства в этой области соответствуют тем, которые предусматриваются каноническим правом¹⁰².

В Испании события долгой непрерывной истории страны с самого начала были связаны с религией, что обусловило необходимость органов публичной власти принимать законодательство, связанное с ней. Особенно часто случалось, что законодателю приходилось подкреплять действие канонического права соответствующими актами органов публичной власти¹⁰³.

Немалую роль каноническое право играет в развитии института защиты прав человека.

канонического права на правовую традицию общего права] // *Revue générale de droit*. — 1989. — Vol. 20. — № 1. — P. 5–30. — P. 10.

¹⁰² Soós I. The Spanish State Ecclesiastical Law and the Internal Law of the Catholic Church. PhD theses, Summary [Испанское государственное церковное право и внутреннее право католической церкви. Диссертация доктора философии: Реферат]. — Budapest: Pázmány Péter Catholic University, 2010. — 11 p. — P. 3. // <http://www.htk.ppke.hu/uploads/File/disszertaciok/Soos_Istvan___PhD_theses__english_.pdf>.

¹⁰³ Soós I. The Spanish State Ecclesiastical Law and the Internal Law of the Catholic Church. PhD theses, Summary [Испанское государственное церковное право и внутреннее право католической церкви. Диссертация доктора философии: Реферат]. — Budapest: Pázmány Péter Catholic University, 2010. — 11 p. — P. 3.

Джон Онорато отмечал, что «эта цель по защите прав человека возникла недавно, и Церковь обозначила её для себя только в течение последних тридцати лет из двухтысячелетнего существования. В Польше и Чили Церковь — единственное учреждение, способное продвигать права человека. Это единственный жизнеспособный институт, способный повлиять на изменения в этих двух репрессивных правительствах. Однако католические церкви двух стран избирательны в своём продвижении прав человека,.. не спешат бросать вызов репрессивным правительствам»¹⁰⁴.

Аналогичную роль взяла на себя Православная Церковь¹⁰⁵.

Некоторые права также закрепляются непосредственно актами канонического права.

Так, каноническим правом Римской католической церкви признаются, в частности, следующие права и свободы католиков (с учётом католической традиции и специфики и в соответствующих объёмах):

- право на образование;
- право на информацию о деятельности, связанной с управлением в рамках церкви;
- свобода выражения мнения и принятия решений;
- свобода объединения;
- право на справедливое обращение;

---

¹⁰⁴ *Onorato J.A. Saving Grace or Saving Face: The Roman Catholic Church and Human Rights // Penn State International Law Review. — 1989. — Vol. 8. — № 1. — P. 81–100. — P. 100. // <<https://core.ac.uk/download/pdf/229637511.pdf>>.*

¹⁰⁵ См.: Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // <<http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>>. — 26.06.2008.

– право на надлежащие нормативные процедуры¹⁰⁶.

Также необходимо отметить, что осуществление определённых отношений, урегулированных в соответствии с каноническим правом, может иметь юридические последствия в соответствии с нормами гражданского права. Например, если речь идёт о признании церковью брака недействительным¹⁰⁷.

Некоторые проблемы, связанные со взаимодействием канонического права и государственного права

В том случае, если имеет место противоречие между нормами гражданского права и канонического права, считается, что для верующих христиан каноническое право должно превалировать над государственным правом. В частности, Александр Лащук приводит пример закреплённой в законодательстве канадской провинции Онтарио нормы, в соответствии с которой религиозное должностное лицо обязано сообщать о случаях насилия над несовершеннолетними в соответствующие органы публичной власти, что прямо противоречит тайне исповеди. В такой ситуации священнослужитель должен быть

---

¹⁰⁶ Rights in The Church [Права в Церкви] // Notes for Canon Law.— 2006.— № 2.— 16 p.— P. 3–10. // <https://www.catholicsforchoice.org/wp-content/uploads/2014/01/2006rightsinthechurch_001.pdf>.

¹⁰⁷ *Laschuk A.* The Role of Canon Law in the Catholic Tradition and the Question of Church and State [Роль канонического права в католической традиции и вопрос о церкви и государстве].— Hamilton: Cardus Religious Freedom Institute, 2019.— 21 p.— P. 11.

готов подвергнуться соответствующим санкциям со стороны государства, чтобы не быть отлучённым от церкви¹⁰⁸.

Рассматривая проблему, связанную с рассмотрением американскими судами вопросов, в немалой степени зависящих от их значения в рамках канонического права, Марианна Перчиакканте отмечала, что обычно судебные органы в таких ситуациях избегают теологических вопросов и концентрируются на гражданско-правовых аспектах канонического права. При этом Первая поправка к Конституции США по идее препятствует активному толкованию судами канонического права в любой его форме¹⁰⁹.

Как правило, суды могут обращаться к каноническому праву в тех случаях, когда тяжущиеся стороны дела сами определяют свои отношения именно в соответствии с каноническим правом. В светском контексте ссылка на внутренние нормы организации для определения характера и особенностей взаимоотношений внутри такой организации является разумной. Однако каноническое право регулирует такие отношения в контексте, связанном с религиозными верованиями, и любое вмешательство в них может нарушать положения законодательства, устанавливающего гарантии свободы вероисповедания¹¹⁰.

---

¹⁰⁸ *Laschuk A.* The Role of Canon Law in the Catholic Tradition and the Question of Church and State [Роль канонического права в католической традиции и вопрос о церкви и государстве].— Hamilton: Cardus Religious Freedom Institute, 2019.— 21 p.— P. 12–13.

¹⁰⁹ *Perciaccante M.* Courts and Canon Law [Суды и каноническое право] // *Cornell Journal of Law and Public Policy*.— 1996.— Vol. 6.— № 1.— P. 171–209.— P. 172. // <<https://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1203&context=cjlp>>.

¹¹⁰ *Perciaccante M.* Courts and Canon Law [Суды и каноническое право] // *Cornell Journal of Law and Public Policy*.— 1996.— Vol. 6.—

**§ 2.3. О должном понимании секуляризации
и об интерпретации исследуемой предметно-
объектной области с позиций её учёта
при исследовании взаимодействий права
канонического и права государственного**

Мы часто употребляем термин «секуляризация» в негативном (прежде всего, для Церкви) значении либо в негативных контексте и/или коннотации. Так, термином секуляризация церковных имуществ (недвижимых, например) устоялось обозначать насильственное отобрание государством этих имущественных массивов и перевод их в публичную собственность.

Но это не совсем верное (полное и точное) толкование данного более глубокого понятия. Так, в сфере взаимодействия регуляторных универсумов секуляризация может отражать и вполне естественный, позитивный (для всех сторон) и вполне бесконфликтный процесс конвертации (может быть даже, наверное, лучше употребить термин «транспонирование», ибо это не перевод, не имплементация, и даже не столько заимствование) категорий, институций, механизмов, онтологий из права канонического в право государственное.

Согласно Брижит Басдеван-Годеме, светскость государства (или органов государственной власти) — это правовой концепт, содержание которого оформляется только в начале XX века в конституционной истории Франции, а затем и в других странах (от себя добавим, на самом деле — несколько раньше). Секуляризация же восходит к XVI веку или даже несколько более ранним временам. Такой переход полномочий в руки государственной власти осуществляется в областях, которые

№ 1.— Р. 171–209.— Р. 173.

ранее находились под церковной властью. Достигалось изменение объёмов компетенции, лишь косвенно влиявшее на религиозный факт, его содержание или его место в социальном пространстве. Светскость же государства, признавая полную автономию религий в определении и распространении их идей, подразумевает, что государство устанавливает правовые нормы, определяющие место религии в публичном пространстве, что чуждо старому режиму¹¹¹.

То есть можно сказать, что основанная на презумпциях светскости государства «линза» восприятия, понимания и толкования церковного канонического права и его влияния на генезис права государственного даёт свои существенные искажения.

Секуляризация исторически шла и в нормореализации, и в судопроизводстве.

Сами смыслы (вещи, предметы, категории), а не только юрисдикция, были, отмечает Брижит Басдеван-Годеме, подвержены секуляризации¹¹².

Так, Мари-Франс Рену-Загаме указывала на трансформацию концепта «скрытого Бога» в переходе от божественного

¹¹¹ *Basdevant-Gaudemet B. Du «religieux» à «l'utilité publique»; Droit canonique et sécularisation du XVIe au XXe siècle [Переход от «религии» к «общественной пользе»; каноническое право и секуляризация XVI–XX вв.] // Revue d'Histoire ecclésiastique (Université Catholique de Louvain).— 2013.— Vol. 108.— № 1.— P. 144–164.— P. 145.*

¹¹² *Basdevant-Gaudemet B. Du «religieux» à «l'utilité publique»; Droit canonique et sécularisation du XVIe au XXe siècle [Переход от «религии» к «общественной пользе»; каноническое право и секуляризация XVI–XX вв.] // Revue d'Histoire ecclésiastique (Université Catholique de Louvain).— 2013.— Vol. 108.— № 1.— P. 144–164.— P. 148.*

закона — монарха или судьи — к человеческому закону. «Божественный дух», которым руководствовались судьи, постепенно заменялся «духом законов»¹¹³. Но исходные детерминанты и онтологические формы не могли при этом не оказать существенного влияния на их производные. И в немалой степени многие христианские идеологемы и концепты нравственности ныне «защиты» в онтологию правового обеспечения функционирования судебной власти и отправления правосудия, в корпуса процессуальных прав и принципов.

Брижит Басдеван-Годеме верно поднимает вопросы: «Когда религиозные или секулярные власти предоставляют свою защиту статусу лиц в церкви или в секулярном обществе, желают ли они защитить те же реалии и ценности, или же смена компетентной власти влечёт за собой модификацию (путём секуляризации) защищаемых элементов? Церковь организует меры по защите крещёных, которые секулярная власть возьмёт на себя и, возможно, распространит на тех, кто не входит в католическую церковь. Секулярная власть придёт, чтобы гарантировать иные интересы, иные ценности, обеспечивающие общественный порядок больше, чем авторитет Церкви»¹¹⁴.

---

¹¹³ *Renoux-Zagamé M-F.* Du droit de Dieu au droit de l'Homme [От права Бога к праву человека]. — Paris: Presses Universitaires de France, 2003.

¹¹⁴ *Basdevant-Gaudemet B.* Du «religieux» à «l'utilité publique»; Droit canonique et sécularisation du XVIe au XXe siècle [Переход от «религии» к «общественной пользе»; каноническое право и секуляризация XVI–XX вв.] // *Revue d'Histoire ecclésiastique* (Université Catholique de Louvain). — 2013. — Vol. 108. — № 1. — P. 144–164. — P. 149.

Во Франции, указывает Жан Пасикос, несмотря на многочисленные изменения и существенные трудности, с которыми пришлось столкнуться после секуляризации права после правления Филиппа IV Красивого, каноническое право сохранялось и в последующем. По общему признанию, влияние, которое каноническое право оказало на юридическую науку и на правовые системы, было тогда несоразмерно тому, какое оно имело в более ранние периоды — на частное договорное право, на брачно-семейное право, на публичное право, если воспринимать это в современных категориях юридической науки. Иногда, однако, это влияние было далеко не незначительным, в частности, во Франции до Французской революции. В других странах это влияние было ещё более сильно и более выражено. Приспосабливаясь к новым обстоятельствам, как внутри страны, так и в международном масштабе, Церковь приспособила (правда, не без труда) свою собственную регуляторную систему. После периода Реформации и Контрреформации, последовавших за Тридентским собором, каноническое право испытало изменения в своём функционировании и обрело уже новое понимание своей роли. В конце XIX и особенно в начале XX века произошёл новый регуляторный всплеск, кульминацией которого стало издание в Латинской (Римской католической) церкви *Codex Iuris Canonici* (Кодекс был обнародован в 1917 году и вступил в силу в 1918 году)¹¹⁵.

---

¹¹⁵ *Passicos J. Droit canonique et droit comparé aujourd'hui. Renouveau d'une problématique? [Каноническое право и сравнительное право сегодня: Возобновление проблемы] // Revue internationale de Droit comparé. — 1981, Janvier-mars. — Vol. 33. — № 1. — P. 17-31. — P. 17-18.*

§ 2.4. Историческая конвергентная сходимость государственного права и права канонического через ведение актов и реестров актов гражданского состояния

Как пишет Брижит Басдеван-Годеме, с конца средневековья соборы просили приходских священников вести регистры, фиксирующие основные этапы жизни верующих. Каноническому нормотворцу нужны были приходские книги (регистры), свидетельствующие о смерти и дате религиозного погребения священнослужителей и, таким образом, позволявшие узнать дату освобождения церковного поста. В то же время Церковь ввела регистры крещения, подтверждающие вступление в члены Церкви и, соответственно, дату рождения, так как функции религиозного служения не могли быть доверены лицам, не достигшим необходимого возраста. Кроме того, вводились регистры, фиксирующие отправление таинства брака, что являлось инструментом борьбы с тайными брачными союзами (т. е. неизвестными третьим лицами), ибо такая практика оставляла большую свободу супругам, возжелавшим расторгнуть первый брак, чтобы вступить во второй. Таким путём развивалось законодательство, первоначально каноническое и связанное с конкретными епископальными решениями. Прежде всего, обе власти — церковная и государственная — договорились о необходимости вести учёт статуса лица как последователя католической Церкви, религиозная приверженность которого предопределяла полноту признания его прав в королевстве, как подданного правителя. Обе власти преследовали одну и ту же цель. Ордонанс

Вийер-Котре от 1539 года¹¹⁶ был первой общей правовой нормой, потребовавшей ведения таких реестров, за ним в 1563 году последовал Декрет Тамеци (Décret Tametsi) от 24-й сессии Тридентского Собора. Эти нормативные предписания (королевские или же церковные канонические) часто повторялись впоследствии (например, Ордонанс Блуа от 1579 года, ст. 40 и 181). Однако постепенно цели изменялись. Регистры служили доказательством не только принятого таинства, но также и, главным образом, отражали факты заключения брака, родства, права наследования или имущественного права по отношению супругов друг к другу. Они удостоверяли королевскому судье статус каждого из подданных, что было необходимым условием публичного порядка. Кульминацией этого процесса стал знаменитый Версальский эдикт 1787 года «О тех, кто не исповедует католическую религию», упорядочивший гражданским статус верующих протестантов. Королевский законодатель позволил лицам, не являвшимся католиками, подтвердить свой статус в королевстве: судья или священник, выступающий с полномочиями регистрирующего органа, обязан был регистрировать браки и рождения членов религиозных деноминаций, не принимавших католического крещения¹¹⁷.

---

¹¹⁶ Ordonnance d'août 1539 (art. 50 à 55) // Recueil générale des anciennes lois françaises, depuis 420 jusqu'à la Révolution. 28 vols. Vol. 12: 1514–1546. — Paris: Belin-Leprieur, 1828. — P. 600.

¹¹⁷ *Basdevant-Gaudemet B.* Du «religieux» à «l'utilité publique»; Droit canonique et sécularisation du XVIe au XXe siècle [Переход от «религии» к «общественной пользе»; каноническое право и секуляризация XVI–XX вв.] // *Revue d'Histoire ecclésiastique* (Université

§ 2.5. Историческая конвергентная сходимость государственного права и права канонического через вытеснения юрисдикции в судебных тяжбах и уголовных процессах

Существенное влияние канонического права на право государственное, на очерченное и детерминируемое государственным правом правовое пространство началось с первых веков христианства.

Как писал Гюстав д'Эспиней, в первые века Церкви епископы осуществляли не только над клириками, но и над мирянами юрисдикцию, принятую теми добровольно и вполне примиренческую. Верующие обоснованно опасались государственных судов, которые выносили смертные приговоры, погубившие столько христиан. Они также находили судебные споры противоречащими евангельскому милосердию и, следуя совету св. Павла, предпочитали арбитрами своих споров брать епископов, чем представлять перед судом. После обращения римских императоров в христианство эта практика была санкционирована гражданскими государственными законами. Многочисленные римские законы подтвердили уже фактически осуществляемую епископами юрисдикцию как над клириками, так и над мирянами. Согласно закону Императора Константина, изданному в 331 году, судебные вердикты епископов не подлежали апелляции, каковы бы ни были статусы сторон и предмет спора. Любое дело могло быть передано на суд епископа по просьбе одной из сторон и вопреки другой. Этот закон имел тенденцию лишать государственных судей всякой власти в пользу церковной юрисдикции.

Catholique de Louvain). — 2013. — Vol. 108. — № 1. — P. 144–164. — P. 149–151.

После Константина его преемники изменили это расположение; Гонорий и Аркадий в 398 году вернули юрисдикции епископов над мирянами её характер добровольного арбитража. Согласно законодательной новелле Валентиниана III в 452 году, миряне могли подчиниться суду епископа, связав себя компромиссом (то есть на обоюдной основе принятия на себя обязательности такого вердикта), но это положение не определялось обязательным. К этой добровольной юрисдикции епископы вскоре добавили ещё одну принудительную юрисдикцию. В IV веке они стали защитниками городов; в этом качестве на них была возложена обязанность защищать граждан от притеснений, и они были наделены правом разыскивать и наказывать злоумышленников. Однако эта власть не распространялась на все преступления; ибо, согласно некоторым римским законам, уголовные дела, затрагивающие мирян и даже священнослужителей, должны были рассматриваться обычными (государственными) судьями. Епископская юрисдикция была признана капитулами германских князей, как это было по римским законам. Они подтвердили юрисдикцию епископов не только над клириками, но и над мирянами. Епископ, по мнению авторов капитулов, являлся естественным защитником вдов, сирот и бедняков. В соответствии с положениями соборов он должен был знать их причины; это обременение, наложенное на него в интересах слабых, а не дарованная ему привилегия¹¹⁸. И через всё это уже началась и развивалась сложно-онтологическая дивергенция канонического права и права государственного.

¹¹⁸ *Espinay, d' G. De l'influence du droit canonique sur le développement de la procédure civile et criminelle. Partie I: Époque barbare [Влияние канонического права на развитие гражданского и уголовного процессуального права. Часть I: Эпоха варварства] // Revue*

**§ 2.6. Историческая конвергентная сходимоть
государственного права и права канонического
через совместную защиту общественной
нравственности, религиозных чувств верующих,
объектов религиозного назначения**

Согласно Брижит Басдеван-Годеме, уже в средние века запрет на богохульство и святотатства (осквернения объекта религиозного почитания) отвечал на объективно существовавшие запросы, обоснованно трансформируя посягательство на объект религиозного почитания в посягательства на общественный порядок, который также определялся публичной властью. Тем не менее, это определение принимало во внимание чувства населения. Наказывались шокирующие высказывания, которые и сам народ не принимал по причине выражающегося ими грубого неуважения к религии или объекту религиозного почитания. В объём церковного имущества входит определённое имущество, недвижимое и движимое, непосредственно используемое для отправления религиозного культа, для совершения религиозных богослужений и обрядов. Его суть, в отличие от других имущественных объектов, заключалась в преимущественно религиозной природе. Соответственно, таковые являлись объектами особого внимания со стороны церковных властей. Когда юристы обсуждают, что является святотатством, принимают во внимание священный (религиозно почитаемый) характер места или объекта. Вслед за Грацианом, канонисты долгое время различали три формы святотатства (осквернения объекта религиозного почитания),

---

historique de droit français et étranger (1855–1869). Vol. 2: 1856. — Paris: Auguste Durand, 1856. — 640 p. — P. 503–516. — P. 505–506.

которые считаются более серьёзным преступлением в силу религиозного характера: осквернение священного предмета в священном месте (*sacrum in sacro*), святотатство в отношении несвященного предмета в священном месте (*non sacrum in sacro*) и осквернение священного предмета в несвященном месте (*sacrum in non sacro*). Некоторое время святотатство пресекалось именно церковью, но позже оно стало подпадать под смешанную юрисдикцию, поскольку посягало как на религию, поддерживаемую королевской властью, так и на общий социальный порядок королевства. Впоследствии такие дела стали предметом ведения королевских судов, получивших исключительные полномочия. Совершение святотатства затрагивало публичные интересы. Общественная польза влияла на правовой режим религиозных зданий или ценных религиозных предметов. Основные места отправления культа имеют особый канонический статус из-за их освящения церковной властью. Эта церемония, литургический акт величайшей (с точки зрения церкви) важности, относится к исключительной юрисдикции епископа (за некоторыми исключениями) и наделяет место правовым статусом, выходящим за рамки публичного права. Освящение здания позволяет Церкви выполнять свои миссии. Это больше, чем собственность, контуры которой всегда оставались расплывчатыми на протяжении веков, это назначение как места отправления культа оправдывает особый статус. Со вмешательством в эти компетентные вопросы светской власти и законодателей, наказания приобретают значительно более строгий характер. С вмешательством в эти специфические вопросы государственной власти и законодателя, наказания приобретали значительно более строгий характер. Государственная власть приняла на себя право вмешиваться в некоторые

дела параллельно с Церковью под тем же предлогом защиты церквей и кладбищ¹¹⁹.

В отношении защиты религиозных мощей и иных религиозных реликвий эти вопросы подробно разбираются в работах Стефана Буарона¹²⁰, доказывающего обоснованность правовой и иной нормативной защиты такого рода объектов и посредством того религиозных чувств верующих.

§ 2.7. Историческая определённая конвергентная сходимость государственного права и права канонического через формальную юридическую (норморайтерскую) технику

Пьер-Ив Конде, подчёркивая существенные различия между каноническими нормами и нормами нравственного и догматического богословия, писал, что «по общим признакам каноническое право, действительно, имеет больше сходства с современным рациональным правом веберианства [от теории Макса Вебера], чем с другими крупными

---

¹¹⁹ *Basdevant-Gaudemet B.* Du «religieux» à «l'utilité publique»; Droit canonique et sécularisation du XVIe au XXe siècle [Переход от «религии» к «общественной пользе»; каноническое право и секуляризация XVI–XX вв.] // *Revue d'Histoire ecclésiastique* (Université Catholique de Louvain). — 2013. — Vol. 108. — № 1. — P. 144–164. — P. 155, 159–160.

¹²⁰ *Boiron S.* Définition et statut juridique des reliques dans le droit canonique classique [Определение и правовой статус реликвий в классическом каноническом праве] // *Pecia. Le livre et l'écrit.* — 2005. — Vol. 8–11. — P. 19–31.

религиозными правовыми системами», делая упор именно на юридическую технику. «Гибридность» канонического права поразительна из-за религиозного характера дифференцированного правового порядка, объекта рационального права¹²¹.

Как писал Макс Вебер, из всех существующих религиозных порядков (религиозных нормативных систем мира) именно христианское церковное каноническое право больше всего ориентировано на формальную юридическую технику. Западная церковь встала на путь рационального регуляторного нормотворчества гораздо более выраженным образом, чем любое другое религиозное сообщество¹²². Макс Вебер здесь, понятно, указывает на Католическую церковь, но это вполне экстраполируемо и на православные церкви, хотя отличия есть, хотя бы уже в стремлении восточных церквей не переходить определённые грани в чрезмерном заурегулировании церковных отношений, что выхолащивало бы сакральный характер Церкви. Различия при этом Макс Вебер видит в том, что право как свободно принимаемые законы, а не обусловленные религией, оставаясь за рамками неизменности и недоступности и проявляясь лишь как метод социального регулирования,

---

¹²¹ *Condé P.-Y.* La fragilité du Droit. «Déthéologisation» et «théologisation» du droit canonique après Vatican II [Хрупкость права: «детеологизация» и «теологизация» канонического права после Второго Ватиканского собора] // *Droit et société*. — 2006/2. — № 63. — P. 527–551. — P. 528, 529.

¹²² *Weber M.* Sociologie du droit [Социология права]. — Paris: Presses Universitaires de France, 1986. — 242 p. — P. 182. Coll. «Recherches politiques».

не может претендовать на надэмпирическое достоинство из-за своих качеств¹²³.

Сходимость была не только в написании (создании норм), но и в юридических технологиях их толкования.

По словам Антонио Падоя-Скиоппа, если мы прочитаем труд одного из самых влиятельных и любимых авторов Средневековья, Григория Великого, мы поймём, что существует тесная связь между его пастырским учением и тем, как он обращается к своему глубокому знанию Писания: например, когда он предлагает церковным судьям правильно собрать и оценить доказательства перед вынесением им приговора... Прежде всего важно отметить метод, часто используемый Григорием, когда он хочет применить тексты Писания к той или иной ситуации: например, отвечая на вопрос, который епископ задал ему из Англии: «Родившая женщина могла возобновить посещение Церкви?» — Папа преодолел букву законного предписания (Левит 12:4–5) рассуждениями, которые апеллировали к общим принципам, а не к другим текстам Писания. Требование рассматривать каждый библейский текст в его контексте также прямо утверждается им. Таким образом, такая техника родилась в религиозной сфере, в рамках толкования и применения Писания¹²⁴.

---

¹²³ Weber M. *Sociologie du droit* [Социология права]. — Paris: Presses Universitaires de France, 1986. — 242 p. — P. 217. Coll. «Recherches politiques».

¹²⁴ Padoa-Schioppa A. *Réflexions sur le modèle du Droit canonique médiéval* [Размышления о модели средневекового канонического права] // *Revue historique de Droit français et étranger*. — 1999. — Vol. 77. — № 1. — P. 21–39. — P. 24–25.

§ 2.8. Конвергентная сходимость государственного права и права канонического в сферах уголовного права и уголовно-исполнительного права

Церковное право исторически оказало очень существенное влияние на отрасли уголовного права и уголовно-исполнительного права — через инфильтрацию принципов нравственности, гуманности (человечности), справедливости, честности, способности к прощению, выступая своего рода донором «несущих конструкций» этих принципов.

Хотя известно, что институт помилования преступника главой государства негативно оценивался немалым числом правоведов (например, Чезаре Беккариа писал, что «показывать людям, что преступление прощается и что наказание не всегда бывает неминуемым одного следствием, есть то же, что писать в них надежду к ненаказанности и заставить их думать, что наказание, претерпеваемое теми, которых не простили, есть более действие жестокости и насилия, нежели правосудия. Государь, прощая кого-нибудь, жертвует общественной безопасностью частному человеку, и в частном постановлении, сделанном слепым добродушием, изрекает общее определение к ненаказанности»¹²⁵), тем не менее, этот, пусть и вызывающий споры, институт помилования имеет высокое значение в общем объёме полномочий верховной власти государства.

И этот институт — богословски детерминирован, черпает свои глубинные нравственные истоки и духовные понимания именно через право церковное в богословском концепте прощения.

¹²⁵ *Беккария Ч.* Разсужденіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ. — Санкт-Петербургъ: Типографія при Губернскомъ правленіи, 1803. — xlv; 268 с. — С. 171.

§ 2.9. Соотношение канонического права и гражданского права

Согласно Джону Мерфи, Церковь признаёт необходимость использования гражданского права в определённых вопросах¹²⁶.

Как отмечает Александр Лащук, каноническое право часто использует гражданские нормы: в католическом Кодексе канонического права 1983 года¹²⁷ такое встречается двадцать один раз. Каноническое право иногда подчиняется гражданским нормам. Канон может включать гражданские нормы в каноническую сферу. Это также может происходить без явной ссылки на гражданские нормы, а просто со ссылкой на необходимость консультироваться с гражданским законодательством в области. Например, канон 105 Кодекса канонического права указывает, что правовая эмансипация несовершеннолетних должна соответствовать нормам гражданского права. Канон 877 указывает, что запись приёмных родителей должна соответствовать нормам гражданского права. Канон 1540 присваивает доказательную силу документам в каноническом судебном разбирательстве в соответствии

---

¹²⁶ Цит. по: Решение Верховного суда («Высшего суда справедливости») провинции Онтарио Канады от 31.08.2010 по делу «Харт против Римско-католической епископальной корпорации Кингстонской епархии» [Hart v. Roman Catholic Episcopal Corporation of the Diocese of Kingston, in Canada, 2010 ONSC4709, Court file № CV-08-0068-00 / Ontario Superior Court of Justice, 31.08.2010] // <<https://www.canlii.org/en/on/onpsc/doc/2010/2010onsc4709/2010onsc4709.html>>. (Абзац 21).

¹²⁷ Кодекс канонического права.— М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007.— 624 с.

с тем, что определено в гражданском праве юрисдикции. В других канонах положения гражданского права не упоминаются в законе, а просто предписывается партиям следовать гражданскому праву. Например, каноны о приёме на работу мирян относятся к необходимости соблюдать гражданское право в юрисдикции. Пасторам также запрещается вступать в брак с теми, чей брак не может быть признан гражданским законодательством. Церковь также следует гражданскому (международному) праву в отношении своих дипломатических отношений. Хотя существует древняя практика, когда римский понтифик отправлял своих легатов в местные церкви, на современном языке апостольские нунции признаются не только как церковные представители определённой Церкви, но также как гражданские «послы» политического образования. Каноническое право указывает, что эти назначения должны соответствовать нормам международного права в отношении назначения и отзыва таких послов. Более того, каноническая система закрепляет определённые решения за гражданской властью. Канон 1692, например, позволяет епископу разрешить паре обратиться в гражданский суд, чтобы объявить о разводе. Это конкретное поручение действия, имеющего канонические последствия, то есть прекращения права на совместное проживание в браке, судебного решения гражданского судьи, признания его или её полномочий и решения по делу, обычно поручаемому судебным решением в храм. Гражданское право, наоборот, может включать в себя и каноническое право. В некоторых странах это является результатом прямого закрепления соответствующих положений в конкордате. Например, во многих юрисдикциях, не относящихся к общему праву, церковные декларации о недействительности брака или

церковное разлучение супругов будут иметь соответствующие гражданские последствия. Однако каноническое право может иметь гражданские последствия более косвенным образом¹²⁸.

Согласно Дугласу Стэмпу, «кодекс канонического права Римско-католической церкви («Канонический закон») является старейшей непрерывно действующей правовой системой в западном мире, предшествующей общему и гражданскому праву. Он обеспечивает внутренний церковный закон, который управляет церковью и её членами. Когда люди поступают в семинарию, чтобы стать членами духовенства, они проходят несколько лет обучения. Обучение включает в себя изучение канонического права. Кроме того, перед рукоположением в дьяконов и священников кандидаты подают прошения и заявления под присягой, в которых они заявляют, что желают по своей доброй воле быть рукоположенными и соблюдать и руководствоваться наставлениями своих церковных начальников и принципами каноны»¹²⁹.

---

¹²⁸ *Laschuk A. Law in the Catholic Tradition and the Question of Church and State.* — Ottawa: Cardus religious freedom institute, 2018. — 21 p. — P. 10–11.

¹²⁹ Цит. по: Решение Верховного суда («Высшего суда справедливости») провинции Онтарио Канады от 31.08.2010 по делу «Харт против Римско-католической епископальной корпорации Кингстонской епархии» [Hart v. Roman Catholic Episcopal Corporation of the Diocese of Kingston, in Canada, 2010 ONSC4709,

ГЛАВА 3. ВЫРАЖЕННЫЕ СЛОЖНОСТЬ, ДИНАМИЧНОСТЬ, НЕЛИНЕЙНОСТЬ И ОПРЕДЕЛЁННАЯ СТОХАСТИЧНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВА КАНОНИЧЕСКОГО И ПРАВА ГОСУДАРСТВЕННОГО

§ 3.1. Сложные динамические и нелинейные взаимодействия права канонического и права государственного

Детерминантом сопряжения двух исследуемых нами нормативных систем является онтологическая их схожесть в немалом числе внутренних аспектов. Неслучайно М.А. Остроумов указывал, что каноническое право представляет в сущности такую же многосложную систему, как и государственное право в его внутрискруктурном делении, также имея «аналогичные ветви и подразделения»¹³⁰ — церковно-имущественное право, церковно-иерархическое управленческое право, церковно-семейное право, церковно-судебное право и др.

Говоря о природе («духе») канонического и государственного права, Оливье Эшаппе обоснованно говорит, что «не может быть и речи о том, чтобы за несколько минут составить

Court file № CV-08-0068-00 / Ontario Superior Court of Justice, 31.08.2010] // <<https://www.canlii.org/en/on/onsc/doc/2010/2010onsc4709/2010onsc4709.html>>. (Абзацы 22 и 23).

¹³⁰ *Остроумовъ М.А.* Очеркъ православнаго церковнаго права. Ч. 1. Введение. Т. 1. — Харьковъ: Типографія Губернскаго Правленія, 1893. — х; 672 с. — С. 131.

синтетический экстракт каждой из двух нормативных систем, чтобы выявить их собственный дух»¹³¹.

И этот самый дух канонического права (по словам Пио Фиделе, автора известной и считающейся классической работы по каноническому праву) весьма органически и онтологически очень сложный¹³².

Оливье Эшаппе обоснованно проводит сравнение: «Вы когда-нибудь задумывались, как можно быть одновременно французом и алжирцем или марокканцем и израильтянином (возьмём среди прочих только два типичных случая)? Помимо других трудностей, это двойное гражданство не может не создавать деликатных проблем применения обеих правовых систем, особенно в отношении статуса лиц. Эта проблема, как мы видим, ничем не отличается от той, которая возникает перед [к примеру] французским католиком, который, стремясь уважать закон своего государства, желает и даже должен уважать также систему нормативных установлений своей конфессии. Канонист далёк от образа юридически “изолированного” специалиста, ему приходится сталкиваться с самыми разнообразными вопросами о конфликтах юрисдикций»¹³³.

Согласно теории Санти Романо о множественности и сложных взаимодействиях регуляторных нормативных порядков

---

¹³¹ *Échappé O.* Droit canonique et Droit français [Каноническое право и Французское право] // *L'Année canonique.* — 2010. — Т. LII. — № 1. — P. 345–356. — P. 346.

¹³² *Fedele P.* Lo spirito del diritto canonico [Дух канонического права]. — Padova: CEDAM, 1962. — vii; 1014 p.

¹³³ *Échappé O.* Droit canonique et Droit français [Каноническое право и Французское право] // *L'Année canonique.* — 2010. — Т. LII. — № 1. — P. 345–356. — P. 352.

(эта работа впервые появилась в *Annali dette Università toscana* в 1917–1918 годах и в том же 1918 году в г. Пиза в виде тома¹³⁴), из общественной жизни и отношений, которые она порождает, наряду с современным государственным нормативным правовым порядком, могут возникнуть другие регуляторные порядки, которые должны сосуществовать вместе¹³⁵. К одному из обладающих существенным значением нормативных порядков относим тот, что онтологически формируется церковным каноническим правом.

Каноническое право, пишет Жан Пасикос, реально способно влиять и влияет на государственное право. Есть много примеров, подтверждающих это и сегодня. Церковь пытается адаптироваться, принимая во внимание конкретные реалии конкретных стран. Влияние гражданского права на каноническое право неоспоримо. Такое влияние встречается, главным образом, в области решений юридико-технического характера, но также и в отношении принципов (технология редко бывает нейтральной), которыми руководствуются учреждения. Однако в каноническом праве никогда не происходит чистого и простого заимствования ни регуляторных институтов, ни юридической техники, ни правовых идей государственного права. Природа этих институтов — Церкви и государства — вовсе не одинакова, равно как не одинаковы и их цели. Церковь никогда не транспонирует (не переносит), она, скорее, адаптирует модели,

---

¹³⁴ *Kalinowski G. Santi Romano. L'ordre juridique, 2e éd., traduction française par Lucien François et Pierre Gothot (coll. «Philosophie du Droit», Paris, Dalloz, 1975, 174 pages) // Revue internationale de droit comparé. — 1976. — Vol. 28. — № 3. — P. 658–659. — P. 658.*

¹³⁵ *Romano S. L'ordre juridique. 2e édition. — Paris: Dalloz, 2002. — 174 p.*

которые она считает полезными для своей собственной миссии, иногда до такой степени, что подвергает их серьёзным искажениям, искажающим институт, служивший исходной моделью. Поскольку Церковь реформирует свои собственные структуры, она не может игнорировать то, что существует вокруг неё; она может только извлечь из этого пользу, не позволяя себе быть поглощённым контекстом. Каноническое право «принимает» положения государственного права и вырабатывает на этих основаниях собственные оригинальные регуляторные решения, совместимые с его собственным внутренним порядком. Влияние канонического права на гражданское право и в целом на принимаемое государством право по-прежнему остаётся открытым. Кажется, что его эффективность может проявляться гораздо больше с точки зрения принципов, нежели с точки зрения самой правовой техники, хотя и такое может быть обнаружено¹³⁶.

Понятно, что здесь всегда есть существенные риски.

Согласно Оливье Эшаппе, любая конструкция, позволяющая каноникам воплощать свой закон в жизнь в рамках государства, всегда будет жить под угрозой политической турбулентности, которая может привести к законодательной или нормативной модификации архитектуры французского права, на основе которой артикулировано каноническое право¹³⁷. И это тоже

---

¹³⁶ *Passicos J.* Droit canonique et droit comparé aujourd'hui. Renouveau d'une problématique? [Каноническое право и сравнительное право сегодня: Возобновление проблемы] // *Revue internationale de Droit comparé*. — 1981, Janvier-mars. — Vol. 33. — № 1. — P. 17–31. — P. 26, 27, 28.

¹³⁷ *Échappé O.* Droit canonique et Droit français [Каноническое право и Французское право] // *L'Année canonique*. — 2010. — T. LII. —

существенно прибавляет сложности, в том числе — сложности не только корреляций и взаимодействий, но и сложности их понимания.

§ 3.2. Столкновения концептов о природе канонического права в соотношении с природой права государственного

Следует отметить, что «наводки», дающие существенные искажения в интерпретациях значения канонического права в генезисе права государственного, в немалой степени происходят из порою ожесточённых споров относительно природы и онтологии канонического права и его референций со всем теологическим.

Так, по словам Пьера-Ива Конде, имеет место столкновение позиций в оценивании теологического места канонического права: 1) концепт священного права, основанного на представлении объективного порядка, уже имеющего обязательную силу для нормотворца против 2) концепта права, строго отличающегося от других нормативных норм и имеющего главное обоснование в том, чтобы оно соответствовало требованиям церковного пастырства в современном мире. Согласно тому же автору, противодействуют «узкий» концепт канонического права и расширенный концепт канонического права; противодействуют концепт детеологизации канонического права и концепт деюридизации канонического права, сторонниками теологизации канонического права в борьбе с любым

№ 1. — P. 345–356. — P. 355. // <<https://www.cairn.info/revue-l-annee-canonique-2010-1-page-345.htm>>.

экклезиологическим дуализмом и любой детеологизацией канонического права, обвиняя последних в неуместном правовом позитивизме. Есть и более глубокие споры о терминах и концептах: часто встречающееся в правовой доктрине различие между взглядами с точки зрения законодательного предположения (лат. — «*de lège ferenda*») и с точки зрения действующего закона (лат. — «*de lege lata*») является эквивалентом противопоставления *de iure condendo* и *de iure condito* (буквально: «о праве, которое было основано»), которое чаще используется канонистами. Пьер-Ив Конде указывает на подход (епископа Алеппо Неофитоса Эдельби (Neophytos Edelby), Теодоро Игнасио (Teodoro Ignacio) Хименеса Уррести (Jiménez Urresti) и Питера Хьюзингом (Peter Huizing))¹³⁸, согласно которому предюридическое теологическое основание часто оказывается индифферентным по сравнению с конкретным инструментальным выражением, являющимся канонической нормой (нормой канонического права). Или наоборот: надо учитывать относительный по существу характер многих канонических диспозиций. Понятно, насколько неприемлемым может быть такое предложение для «сильной» канонической догматики, доверие к которой оно значительно снижает. Предюридические основания, то есть неправовые, безразличные или общие, не может иметь прямого канонического действия. Таким образом, каноническое право ещё не существует, оно требует только того, чтобы оно было известно канонисту и признано

---

¹³⁸ Edelby N., Jiménez Urresti T.I., Huizing P. Ontología de la comunión y estructuras colegiales en la Iglesia [Онтология общения и коллегиальные структуры в Церкви] // Concilium. Revista Internacional de Teología. Vol. 8: Derecho canónico (derecho canónico y teología). — Madrid: Editorial Cristiandad, 1965. — P. 7–18.

законодателем. С другой стороны, кажется, что есть место для свободно издаваемого закона, пространство относительной автономии права по отношению к теологии, призванной, скорее, оправдывать дух канонов, чем основывать их букву¹³⁹.

Надо понимать, что излишние «мудрствования» почти неминуемо заводят в ошибочные дебри. И слова Рудольфа Зома (Rudolph Sohm) о том, что «каноническое право противоречит сущности Церкви», Клаус Мёрсдорф (Klaus Mörsdorf) обоснованно оценивает как дающий основания для критики его (Рудольфа Зома) концепцию церкви, чтобы оправдать место права¹⁴⁰. И Пьер-Ив Конде обоснованно указывает, что в этих столкновениях идей относительно природы и онтологии права (и «детеологизация», и «теологизация» канонического права — это проекты, разработанные людьми) зачастую «современная история — это сцена, на которой, не называя своих имён, возвращаются старые ереси прошлого»; и основной проблемной задачей выступает укрепление позиций ортодоксальной экклезиологии и «сакральной подпитки» канонического права

---

¹³⁹ *Condé P.-Y.* La fragilité du Droit. «Déthéologisation» et «théologisation» du droit canonique après Vatican II [Хрупкость права: «детеологизация» и «теологизация» канонического права после Второго Ватиканского собора] // *Droit et société.* — 2006/2. — № 63. — P. 527–551. — P. 537–538, 529, 541.

¹⁴⁰ *Mörsdorf K.* Altkanonisches, Sakramentsrecht? Eine Auseinandersetzung mit der Anschauungen Rudolph Sohms über die inneren Grundlagen des Decretum Gratiani [Старый канонический священный закон? Изучение взглядов Рудольфа Зома на внутренние основы Decretum Gratiani] // *Studia Gratiana.* — 1953. — № 1. — P. 483–502. — P. 489, 486.

и науки канонического права. Впрочем, критики Клауса Мёрсдорфа обвиняли его в том, что он слишком переносит право (хотя и каноническое право, но право, то есть регуляторную систему для людей и среди людей) на метафизический уровень. Однако, как опять же говорит Пьер-Ив Конде, «теологизация канонического права является тем прорывом, который позволяет дискурсу *de jure condendo* (лат. — «вводящий в действие закон») немедленно утвердиться в правовом поле и обрести авторитет судебного решения по закону, судебного решения во имя права»¹⁴¹.

Согласно Гельмуту При, экклезиастическое право — это не неизменный формальный порядок, а содержание, которое следует интерпретировать в соответствии с ценностями исторического сообщества¹⁴². Но и это при, казалось бы, очевидности сказанного (де-факто — в смысле, что такое влияние есть) есть путь в никуда, это путь выхолащивания, вытаивания сакрального смысла и глубинной сакральной природы церковного канонического права.

Более того, столкновения идей относительно канонического права и «лёгкости» его перелицовывания, «трансформации»

---

¹⁴¹ *Condé P.-Y.* La fragilité du Droit. «Déthéologisation» et «théologisation» du droit canonique après Vatican II [Хрупкость права: «детеологизация» и «теологизация» канонического права после Второго Ватиканского собора] // *Droit et société*. — 2006/2. — № 63. — P. 527–551. — P. 541–542, 544.

¹⁴² *Pree H.* Ius divinum between normative text, normative content and material value structure [Божественный закон между нормативным текстом, нормативным содержанием и структурой материальной ценности] // *School of Canon Law (Catholic University of America)*. — 1996. — Vol. 56. — № 1. — P. 41–67.

в угоду сегодняшним веяниям predeterminedelyают ответ (скорее — негативный) на вопрос о будущем Церкви. Георг Мэй (подчеркнём ещё раз, речь идёт о дискуссии о католической церкви) совершенно, надо сказать, отважно предупреждает: «Немалая часть упадка религиозного рвения и серьёзности отношения к вере, наблюдаемого повсеместно в последние годы, признаваемого любимым достойным этого имени пастырем и поддающегося статистическому описанию, приписывается тем кругам, которые под предлогом пастырской необходимости, предлагают безумные эволюции закона (когда они прямо не занимают чем-то вроде предвосхищения неопределённого будущего) и которые, таким образом, вызывают в верующих людях беспрецедентные замешательство и неуверенность, что является причиной утраты авторитета закона, который всё менее соблюдается»¹⁴³. Эти проблемы за последние более полувека только существенно усугубились.

Но от точного понимания и толкования природы и онтологии канонического права существенно зависят понимание и толкование его влияния на право государственное.

---

¹⁴³ *May G. Enttheologisierung des Kirchenrechts?* [Пре-теология канонического права?] // *Archiv für katholisches Kirchenrecht* [Архив католического канонического права]. — 1965. — № 134. — № 2. — P. 370–376. — P. 375.

§ 3.3. Коллизии канонического права и права государственного: некоторые методологические и концептуальные подходы

Исследуя особенности взаимодействия и взаимного влияния канонического права и права государственного в светском государстве, невозможно обойти вниманием вопрос о коллизиях этих двух систем нормативной регламентации, когда они вступают в прямое и косвенное, непосредственное и опосредованное, явное или имплицитное столкновение.

Положения внутрицерковных документов о корреляции канонического права и права государственного

В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви¹⁴⁴ об этом сказано было так: *«Право призвано быть проявлением единого божественного закона мироздания в социальной и политической сфере. Вместе с тем всякая система права, создаваемая человеческим сообществом, являясь продуктом исторического развития, несёт на себе печать ограниченности и несовершенства»* (п. IV.2); *«В тех случаях, когда человеческий закон совершенно отвергает абсолютную божественную норму, заменяя её противоположной, он перестаёт быть законом, становясь беззаконием, в какие бы правовые одежды он ни рядился... Человеческий*

¹⁴⁴ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви / Приняты Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13–16.08.2000. — М., 2000.

закон никогда не содержит полноту закона божественного, но чтобы оставаться законом, он обязан соответствовать богоустановленным принципам, а не разрушать их» (п. IV.3); «Исторически религиозное и светское право происходят из одного источника и долгое время являлись лишь двумя аспектами единого правового поля. Такое представление о праве характерно и для Ветхого Завета» (п. IV.4); «В Церкви, созданной Господом Иисусом, действует особое право, основу которого составляет Божественное Откровение. Это право каноническое. Если иные религиозные законоустановления даны для отпавшего от Бога человечества и по природе своей могут быть частью гражданского законодательства, то христианское право принципиально надсоциально. Оно непосредственно не может быть частью гражданского законодательства, хотя в христианских обществах и оказывает на него благотворное влияние, являясь его нравственным основанием... Попытка создать основанное исключительно на Евангелии гражданское, уголовное или государственное право не может быть состоятельной, ибо без воцерковления полноты жизни, то есть без полной победы над грехом, право Церкви не может стать правом мира. А победа эта возможна лишь в эсхатологической перспективе. Впрочем, предпринятый при святом императоре Юстиниане опыт христианизации правовой системы, унаследованной от языческого Рима, оказался вполне удачным не в последнюю очередь именно потому, что законодатель, создавая «Корпус», вполне сознавал границу, отделяющую порядок мира сего, который и в христианскую эпоху несёт на себе печать падшести и греховной повреждённости, от установлений благодатного тела Христова — Церкви — даже в том случае, когда члены сего

тела и граждане христианского государства суть одни и те же лица» (п. IV.5); «Правопорядок отдельной страны есть частный вариант общего мироустроющего закона, присущий определённому народу» (п. IV.5); «Церковь Христова, сохраняя собственное автономное право, основанное на святых канонах и не выходящее за границы собственно церковной жизни, может существовать в рамках самых разных правовых систем, к которым она относится с подобающим уважением. Церковь неизменно призывает пасомых быть законопослушными гражданами земного отечества. В то же время она всегда подчёркивает незыблемую границу законопослушания для своих верных чад. Во всём, что касается исключительно земного порядка вещей, православный христианин обязан повиноваться законам, независимо от того, насколько они совершенны или неудачны. Когда же исполнение требования закона угрожает вечному спасению, предполагает акт вероотступничества или совершение иного несомненного греха в отношении Бога и ближнего, христианин... должен открыто выступить законным образом против безусловного нарушения обществом или государством установлений и заповедей Божских, а если такое законное выступление невозможно или неэффективно, занимать позицию гражданского неповиновения» (п. IV.9).

Для сравнения имеет смысл обратиться также и к католической традиции.

По словам Александра Лашука: «Конечно, каноническое право и государственное право часто расходятся. Что произойдёт, когда государственное право и каноническое право вступят в противоречие? В [католическом] Кодексе канонического права чётко говорится о коллизии норм... То есть верующие-христиане должны соблюдать законы государства, за исключением

случаев, когда они противоречат Божественному закону или если в каноническом праве есть противоположная норма. Таким образом, каноническое право не уступает государственному праву в целом, а только в определённых вопросах. По умолчанию, интерпретация состоит в том, что каноническое право превалирует над нормой государственного закона. Что, согласно канонической интерпретации, должно происходить при конфликте законов?»¹⁴⁵

И действительно, католический Кодекс канонического права определяет: «Гражданские законы, к которым отсылает право Церкви, в каноническом праве следует соблюдать с теми же последствиями — в той мере, в какой они не противоречат Божественному праву, и если каноническим правом не предусмотрено иного» (канон 22); «§ 1. Не может получить силу закона ни один обычай, противоречащий Божественному праву. § 2. Не может получить силу закона и обычай, действующий вопреки каноническому праву или помимо него, если он не является разумным; обычай же, прямо осуждаемый каноническим правом, разумным не является» (канон 24); «Срок давности как основание приобретения или утраты субъективного права, а также освобождения от обязанностей, Церковь принимает в том виде, в каком он предусмотрен гражданским законодательством данной страны — кроме исключений, установленных в канонах настоящего Кодекса» (канон 197); «По собственному праву брачные дела крещёных правомочен рассматривать церковный судья» (канон 1671); «Дела о сугубо гражданских последствиях брака входят

¹⁴⁵ Laschuk A. Law in the Catholic Tradition and the Question of Church and State.— Ottawa: Cardus religious freedom institute, 2018.— 21 p.— P. 12.

в правомочия гражданского суда, если партикулярное право не установит, что дела эти — если они ведутся в качестве привходящих и дополнительных — могут рассматриваться и решаться церковным судьей» (канон 1672)¹⁴⁶.

Из приведённых выше извлечений совершенно ясно просматривается следующее: как Русская Православная Церковь, так и Римско-католическая церковь вполне определённо разграничивают две нормативные системы — формируемую государством и формируемую Церковью; чётко проводят черту, за которой неосновательное и избыточное вмешательство государства влечёт (может и даже презюмируемо должно повлечь) гражданские протест и противостояние со стороны сообществ верующих.

И такие примеры в истории хорошо известны.

Авторская концепция

В основу авторского объяснения референцирования канонического права и права государственного заложены следующие авторские теории:

- 1) теория конкурирующих трансформирующихся нормативных порядков;
- 2) теория интерсекциональных образов;
- 3) теория взаимных исключений в каноническом праве и праве государственном.

Именно эти три теории позволяют понять и объяснить сложную онтологию столкновений и взаимного комплементарного

¹⁴⁶ Кодекс канонического права. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. — 624 с. — С. 55, 107–108, 593.

(взаимно достраивающего, дополняющего) сосуществования двух нормативных систем — канонического права и права государственного.

Теория конкурирующих трансформирующихся нормативных порядков

В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви¹⁴⁷ в отношении исследуемого нами тематического горизонта употреблён термин «порядок» не как процедура или нормативные основания чего-либо (назначения на должность и т. д.), а в онтологическом смысле, в значениях «нормативный порядок» и «миропорядок» (как положение вещей) (п. IV.8).

Используется понятие «порядок» (в названных значениях) и в католическом Кодексе канонического права (вводная часть «*Sacrae disciplinae leges*» в издании — «порядок церковного сообщества»; канон 327 — «порядок преходящего мира»; § 2 канона 747 — «социальный порядок»; § 2 канона 1699 — «юридический или нравственный порядок»)¹⁴⁸.

А. С. Павлов активно употребляет в своих исследованиях, посвящённых каноническому праву, термин «порядок» — (исключая употребление в значении процедуры, последовательности) в следующих формулировках и значениях: «гражданский порядок» в противопоставлении «религиозному порядку»,

¹⁴⁷ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви / Приняты Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13–16.08.2000. — М., 2000.

¹⁴⁸ Кодекс канонического права. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. — 624 с. — С. 39, 155, 310, 601.

«внутрицерковный порядок», «внешний порядок социального организма», «законы церковного порядка», «правовой порядок», «церковный порядок», «государственный порядок», «общественный порядок», «внешний порядок церковно-общественной жизни», «внешний порядок земной жизни Церкви», «мирской правовой порядок», «мирской общественный порядок», «мирской (гражданский и политический) порядок», «законы внутреннего церковного порядка, созданные самой церковью», «внешний порядок церковной жизни», «порядок церковных дел», «церковные порядки», «порядок религиозно-общественной жизни», «церковно-богослужебный порядок», «требование церковного порядка», «высший жизненный порядок», «порядок церковного управления»¹⁴⁹.

Из этого всего уже явно видно, что речь идёт об онтологическом (даже мета-онтологическом) смысле понятия «порядок», как отражающем положение вещей в их бытие.

И важно заметить множественность и массивность употребления А. С. Павловым различных лексических форм, в основе которых употреблён термин «порядок», что отражает разнообразие образов порядка, сложную онтологию порядкообразования (порядкоформирования) и бытия порядков в каноническом праве.

Согласно одной из существующих дефиниций, в таком сложном значении, «порядок — это фактически существующая субстантивная (т. е. обладающая самостоятельным, независимым существованием, в том числе — в силу свойства негэнтропии),

¹⁴⁹ Павловъ А. С. Курсъ церковнаго права. — Сергіевъ Посадъ: Типогр. Св.-Троицкой Сергіевой Лавры, 1902. — ii; 539; vi с. — С. 2, 6, 9, 10, 11, 32, 34, 37, 38, 39, 41, 44, 85, 87, 91, 116, 119, 133, 136, 192, 195, 204, 205, 236, 242, 262, 352, 357, 369, 469, 481, 488, 494, 499, 513, 530, .

или конвенционально (условно) презюмируемая (предсказуемая, полагаемая) либо проектируемая и (или) искусственно создаваемая и поддерживаемая пространственно-временная, функционально-логическая, синтаксическая или морфологическая топология (схема, матрица) относительно стабильного состояния (в том числе состояния, обладающего некоторой инвариантностью, либо состояния стабильного развития) набора имеющих определённые фиксированные взаиморасположения и интерреляции объектов или элементов, в рамках и на основе которой (топологии) каждому такому объекту или элементу (каждой группе объектов или элементов) атрибутируются свои наборы параметров, привязывающих (постоянно или в течение временного промежутка) их к определённому «образу места» в этой топологии или к определённому состоянию»¹⁵⁰.

А. С. Павлов выводил сущность и природу канонического права и природу его корреляции с правом государственным через это понятие (понятие порядка): «Внешняя жизнь церкви, как организованного целого, необходимо предполагает существование в ней известного порядка, согласного с её внутренним существом и жизненным назначением. С этим порядком церковь вступает в область права, и притом — двояким образом: 1) как носительница своего собственного права, т. е. тех норм своей жизни, которые имеют своё основание в самом существе церкви и которыми определяются её внутренние правоотношения; и 2) как общественный союз, существующий в мире наряду с другими человеческими союзами, политическими и религиозными и, следовательно,

¹⁵⁰ *Понкин И.В.* Теория государственного управления: содержание понятия «порядок» // *Административное право и процесс.* — 2016. — № 11. — С. 8–10. — С. 9.

необходимо вступающий в известные к ним отношения... Церковное право, в объективном смысле, есть внешний порядок особого социального организма, воплощающего в себе определённую и необходимую жизненную цель». Церковный порядок «существует не сам для себя, не для церкви, как целого, а для того, для чего существует и сама церковь... Содержание всей совокупности норм божественного права церкви может быть выражено в следующих общих положениях: 1. Церковь... имеет божественное право на существование. 2. Как видимое общество верующих во Христа, поставленное в обыкновенные условия человеческой жизни, церковь имеет нужду в определённом внешнем порядке своей земной жизни; значит, она уполномочена своим Основателем устанавливать этот порядок, сообразна своему существу и назначению, и охранять его от возможных нарушений со стороны частного произвола. 3. Для установления и сохранения порядка в каждом человеческом обществе необходима общепризнанная власть; такая власть существует и в церкви... 4. Осуществляя в мире такую жизненную цель, которая указана человечеству не человеческим разумом, а божественным, церковь, как видимый союз людей, существенно отличается от той высшей формы человеческого общежития, которая называется государством и в которой осуществляются естественные жизненные цели людей, как существ разумно-нравственных. 5. Церковь основана на все времена и для всего человечества; но условия её внешней жизни не всегда и не везде одни и те же. Поэтому она при осуществлении своей задачи имеет нужду (а следовательно — и право) изменять формы своего внешнего порядка, поскольку этот порядок не связан с самым существом её, т. е.

не имеет прямых оснований в божественном праве. б). Как видимое общество, поставленное в обыкновенные условия человеческой жизни, церковь имеет нужду в материальных средствах для осуществления своих целей, поскольку эти цели относятся к земной жизни верующих... Как общество религиозное, существующее *jure divino*, церковь не может быть всецело объектом законодательной деятельности государства. Но как внешний, видимый союз, она стоит внутри мирского правового порядка: её члены суть вместе и граждане государства. Отсюда само собою следует, что правовые нормы, действующие в данном государстве, простирают своё действие и на церковь, определяют, так сказать, её правоспособность в сфере мирского общественного порядка и решают вопрос о том, насколько собственно церковные законы имеют силу и в этом мирском (гражданском и политическом) порядке... Власть церковная по своему началу, содержанию, целям и существенным средствам есть власть духовная, состоящая 1) в праве религиозного учения, 2) в праве религиозного освящения и 3) в праве управления в обширном смысле, т.е. установления и соблюдения в обществе верующих известного порядка и внешней дисциплины, сообразной с существом и целью церкви»¹⁵¹.

И А.С. Павлов отмечал, что это весьма нелёгкая задача — «согласовать церковный порядок с государственным, гражданским», но «переплетение обоих порядков» возможно, что «церковь и государство составляют два жизненных порядка,

---

¹⁵¹ Павловъ А.С. Курсъ церковнаго права.— Сергіевъ Посадъ: Типогр. Св.-Троицкой Сергіевой Лавры, 1902.— ii; 539; vi с.— С. 6–7, 9, 10–11, 38–39, 41, 288.

находящиеся между собою в живом, органическом взаимодействии»¹⁵².

Следует отметить, что такая понятийно-терминологическая система координат закладывалась в основу исследования природы и онтологии канонического права и его взаимодействия с правом государственным далеко не только одним этим автором.

Н. С. Суворов также активно и многообразно (весьма вариативно) употреблял концепт порядка применительно к описанию и объяснению природы и онтологии канонического права и его взаимодействия с правом государственным в следующих формулировках и значениях: «порядок права», «юридический порядок», «нормы государственного и гражданского порядка», «крепкий церковный порядок», «церковный порядок», «государственный порядок», «нормы церковно-юридического порядка», «правительственный порядок», «церковно-юридический порядок», «порядок руководящих норм церковной жизни», «порядок церковной жизни», «внешний церковный порядок», «порядок жизни церковной», «внешний порядок церкви», «порядок древнецерковной жизни», «необходимое требование церковного порядка», «церковное законодательство по устройению церковного порядка», «внутренний церковный порядок»¹⁵³.

---

¹⁵² Павловъ А. С. Курсъ церковнаго права. — Сергіевъ Посадъ: Типопр. Св.-Троицкой Сергіевой Лавры, 1902. — ii; 539; vi с. — С. 56, 478, 493.

¹⁵³ Суворовъ Н. С. Курсъ церковнаго права. Т. 1. — Ярославль: Типо-литографія Г. Фалькъ, 1889. — x; 369; ii с. — С. 5, 8, 9, 10, 11, 33, 37, 38, 43, 52, 75, 115, 141–142, 150, 188, 199, 208, 224, 225, 226, 234, 264, 270, 284, 288, 312, 313, 324, 329, 335, 336, 341, 342, 343, 347, 357, 358, 361, 363, 364,

В частности, Н.С. Суворов писал, что «крепкий церковный порядок, самую его крепостью и прочностью, свидетельствует о том, что он носит черты юридического порядка»¹⁵⁴.

Использовался концепт порядка также и другими отечественными светилами науки канонического права — И.С. Бердниковым¹⁵⁵, Н. Соколовым¹⁵⁶ и др.

Самый субстрат разрабатываемой нами (отталкиваясь от частично процитированных концептов) теории конкурирующих трансформирующихся нормативных порядков состоит в утверждении о том, что автономный церковный нормативный порядок и суверенный государственный нормативный (нормативно-правовой) порядок находятся в сложной онтологии конкуренции и контрадикторности (состязательности, противопоставленности).

Теория интерсекциональных образов

Основам социальной концепции Русской Православной Церкви¹⁵⁷ известен термин «образ»: «образ жизни» (п.п. I.1, IX.2, XII.5); «образ Христа» (п. I.2); «прообраз народа Божия»

¹⁵⁴ *Суворовъ Н.С.* Курсъ церковнаго права. Т. 1.— Ярославль: Типо-литографія Г. Фалькъ, 1889.— х; 369; ii с.— С. 10.

¹⁵⁵ *Бердниковъ И.С.* Краткій курсъ церковнаго права Православной Церкви. Изд.2-е., переработ. и доп.— Казань: Типо-лит. Императорскаго Университета, 1903.— 333 с.

¹⁵⁶ *Соколовъ Н.* О вліяніи Церкви на историческое развитіе права // Московскія университетскія извѣстія.— 1870.— № 1.— С. 1–103.

¹⁵⁷ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви / Приняты Архиерейским Собором Русской Православной Церкви

(п. II.2); «образ и подобие Божие», «образ Божий» (п.п. IV.6, IV.7, X.1, XI.5, XII.6); «образ власти Царя Небесного» (п. VIII.2); «образ святости» (п. XI.1) и мн. др.

Используется понятие «образ» и в католическом (приведём для соотнесения) Кодексе канонического права (вводная часть «*Sacrae disciplinae leges*» в издании — «образ Церкви», «подлинный образ, свойственный Церкви»; § 1 канона 94, § 1 канона 95 и § 1 канона 209 — «образ действий»; каноны 146 и 150 — «действительный образ»; канон 214 — «образ духовной жизни, согласующийся с вероучением Церкви» и мн. др.)¹⁵⁸.

Согласно А.С. Павлову, «всё внешнее право церкви имеет своим источником положительное гражданское и государственное законодательство. Что же касается внутренних церковных дел и отношений, то католическая церковь в принцип отвергает возможность определяющего участия здесь государственной власти: она допускает возможность только признания государством уже существующих законов внутреннего церковного порядка, созданных самою церковью. Напротив, с точки зрения православного и протестантского церковного права, государственная власть может быть даже непосредственным органом церковного законодательства, т.е. может давать нормы и по внутренним делам и отношениям церкви. Но при этом всегда предполагается, что законодатель сам принадлежит к церкви и действует в строгом согласии с основными и неизменными началами её собственного права»¹⁵⁹.

13–16.08.2000. — М., 2000.

¹⁵⁸ Кодекс канонического права. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. — 624 с. — С. 41, 72, 73, 112, 92, 93, 113.

¹⁵⁹ Павловъ А.С. Курсъ церковнаго права. — Сергіевъ Посадъ: Типогр. Св.-Троицкой Сергіевой Лавры, 1902. — ii; 539; vi с. — С. 41.

Самый субстрат разрабатываемой нами теории интерсекциональных образов состоит в утверждении о том, что каноническое право и право государственное могут не только ограничить, сопрягаться, но и могут находиться в онтологии множественных и сложных взаимных пересечений и наложений, взаимных проникновений и сложных переплетений.

Для отражения этого явления мы и используем понятие интерсекциональности (англ. — «*intersectionality*»).

Это понятие всю сегодня эксплуатируется и «приватизируется» идеологами гендеризма и ультра-феминизма (хотя первые случаи использования таких концепций прослеживаются много-много ранее), но это далеко не единственная сфера применимости данного термина.

В числе прочего, этот термин активно используется в юридической науке¹⁶⁰.

Теория взаимных исключений в каноническом праве и праве государственном

Теория взаимных исключений в каноническом праве и праве государственном базируется (и отражается) на сложившейся системе взаимного признания как государством, так и церковью сфер исключительной регуляторной и нормоисполнительной компетенции каждой стороны (друг друга).

---

¹⁶⁰ См., например: Кузнецова А. М. Гражданско-правовая охрана результатов творческой деятельности в сфере спорта в России и зарубежных странах: Автореф. дис. канд. юридич. наук: 12.00.03 / РУДН. — М., 2013. — 26 с. — С. 7, 8, 9.

Самый субстрат этой разрабатываемой нами теории взаимных исключений в каноническом праве и праве государственном состоит в утверждении о наличии линейки взаимно-согласованных или вынужденно-признаваемых исключений для дозволения (или допущения) вмешательства (активного деятельного влияния или прямого инвазивного воздействия) полностью автономного церковного нормативного порядка в дела порядка суверенного государственного и наоборот.

Таким образом, тема природы и онтологии соотношений и взаимодействий (в том числе контрадикторных) канонического права и права государственного чрезвычайно важна для дальнейшего развития как научного понимания и толкования понятия, сути, природы, структуры и онтологии канонического церковного права, так и для теории светского государства, для предиктивного выстраивания надлежащих отношений между государством и Церковью.

§ 3.4. Признание судами автономной исключительной компетенции за религиозными организациями в истолковании норм канонического права

Влияние канонического права на право государственное прежде всего проявляется в признании государственным судебными органами норм канонического права и решений религиозных судов религиозных организаций.

Всё это вполне укладывается в концепт конструктивной светскости государства (во всяком случае, не в вульгарно-атеистическом истолковании светскости государства). И такая судебная практика представляет высокий интерес для наших

исследовательских целей, поскольку государство устами своих судей прямо и открыто заявляет о наличии сложных корреляций канонического права и права государственного.

«Никакая краткая ёмкость правовых норм не может обеспечить надлежащего разъяснения всех мельчайших подробностей в содержании юридического понятия, — указывает Е.В. Аристов. — Тем более, что многие из таких понятий являются многозначными, их значения варьируются в зависимости от контекста, коннотации, дискурса. Где взять нужные интерпретации с достаточно высокой степенью верифицированности? В научных исследованиях? Несомненно. Но в абсолютном большинстве случаев мы столкнёмся с тем, что разные авторы обосновывают совершенно полярные точки зрения на предмет, интерпретируют содержание того или иного права (или свободы), того или иного правового механизма или правового института совершенно противоречивым (по отношению друг к другу) образом. И здесь именно судебная практика служит тем огромным ресурсом производства юридико-лексических интерпретаций, их эмпирической проверки и закрепления в преемстве своих правовых позиций»¹⁶¹.

Итак, приступим. Согласно Решению Апелляционного суда штата Нью-Йорк (США) от 05.01.1874 по делу «Коннит против Реформатской протестантской голландской церкви»¹⁶², «во

---

¹⁶¹ Аристов Е.В. Интерпретации содержания принципа социальности государства в правовых позициях судебных инстанций. — М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2015. — 199 с. — С. 3–4.

¹⁶² Решение Апелляционного суда штата Нью-Йорк (США) от 05.1.1874 по делу «Коннит против Реформатской протестантской голландской церкви» [«George W. Connitt et al. v. The Reformed Protestant Dutch Church, of New Prospect et al.»] / New York Supreme

всех спорных случаях, когда нет явного отсутствия церковной юрисдикции, решения церковных судебных органов относительно их собственной юрисдикции в церковных вопросах должны иметь больший вес... Придя к выводу, что это был церковный вопрос и что церковные судебные органы имели в отношении него необходимую юрисдикцию, мы не можем спрашивать, действовали ли они в соответствии с законами и обычаями своей церкви, а также правильно ли они решили этот вопрос. Согласно устоявшемуся закону этой страны, неоднократно провозглашённого наиболее образованными судьями и высшими судами, в таких случаях гражданские суды должны принимать решения церковных судов как окончательные и обязательные для сторон».

Решение Верховного суда штата Пенсильвания (США) от 29.06.1846 по делу «Немецкая реформатская церковь против Содружества Зайбер»¹⁶³ гласило: «Решения церковных судов, как и любого другого судебного трибунала, окончательны; поскольку они более компетентные судьи в том, что составляет... церковную дисциплину... Все, кроме этих судов, должны признаваться некомпетентными судьями по вопросам веры, церковной дисциплины и доктрины; а гражданские суды, если они окажутся настолько неразумными, чтобы попытаться контролировать свои решения по вопросам, входящим в их

Court, June 1871 // <<https://www.courtlistener.com/opinion/3603850/connitt-v-rpdc-of-n-prospect/>>.

¹⁶³ Решение Верховного суда штата Пенсильвания (США) от 29.06.1846 по делу «Немецкая реформатская церковь против Содружества Зайбер» [*German Reformed Church v. Commonwealth ex rel. Seibert*]. 3 Pa. 282 (1846). June 29, 1846 / Supreme Court of Pennsylvania] // <<https://cite.case.law/pa/3/282/>>.

юрисдикцию, только погрузят себя в море неуверенности и сомнений, что приведёт к чему угодно, кроме улучшения религии или нравственности».

Нам могут возразить, что это всё — дела давно минувших дней, выраженно архаично. Но дело в том, что есть и референтные судебные решения относительно совсем недавние.

Согласно Решению Верховного суда провинции Онтарио Канады от 31.08.2010 по делу «Харт против Римско-католической епископальной корпорации Кингстонской епархии»¹⁶⁴ (дело касалось отстранения пастора от занимаемой должности и соответствующего прекращения его полномочий): «Должность священнослужителя может быть создана только посредством канонического права. Каноническое право также предусматривает срок полномочий и оговаривает обязанности и ответственность, связанные с исполнением этой должности в течение срока, на который она занимает. Наконец, Канонический Закон определяет обстоятельства, при которых священническое служение может быть прекращено... Должность священнослужителя была создана и регулируется каноническим правом. Каноническое право диктует обстоятельства, при которых священническое служение может быть прекращено. По этим причинам я прихожу к выводу, что отстранение отца Харта от должности пастора не подлежит рассмотрению нашими

---

¹⁶⁴ Решение Верховного суда («Высшего суда справедливости») провинции Онтарио Канады от 31.08.2010 по делу «Харт против Римско-католической епископальной корпорации Кингстонской епархии» [Hart v. Roman Catholic Episcopal Corporation of the Diocese of Kingston, in Canada, 2010 ONSC4709, Court file № CV-08-0068-00 / Ontario Superior Court of Justice, 31.08.2010] // <<https://www.canlii.org/en/on/onpsc/doc/2010/2010onsc4709/2010onsc4709.html>>.

судами... Принимая во внимание существенный религиозный характер отношений между отцом Хартом и ответчиком, наши суды будут вмешиваться в религиозные споры только в двух случаях: 1) когда требования естественной справедливости не были удовлетворены внутренними процессами; или 2) когда эти внутренние процессы были исчерпаны... Отец Харт не предпринял никаких попыток найти какое-либо средство правовой защиты в соответствии с каноническим правом. Он не смог реализовать свои права, хотя его постоянно информировали о процессах... Суть иска между отцом Хартом и Архиепископией носит церковный характер, и этот суд не обладает юрисдикцией в отношении этого спора. Более того, внутренние процессы, предназначенные для разрешения этого спора, не нарушают принципов естественной справедливости, и отец Харт не исчерпал доступные ему внутренние процессы. По этим причинам данное разбирательство представляет собой процессуальное злоупотребление и приостанавливается» (§ § 25, 31, 38, 44, 45).

Решение Апелляционного суда провинции Онтарио Канады от 22.11.2011 по делу «Харт против Римско-католической епископальной корпорации Кингстонской епархии»¹⁶⁵ гласило: «По общему правилу, Верховный суд обладает юрисдикцией рассматривать иски о неправомерном увольнении и нарушении трудового договора. Но из общего правила есть исключения.

---

¹⁶⁵ Решение Апелляционного суда провинции Онтарио Канады от 22.11.2011 по делу «Харт против Римско-католической епископальной корпорации Кингстонской епархии» [Hart v. Roman Catholic Episcopal Corporation of the Diocese of Kingston, in Canada, 2011 ONCA 728 (CanLII) / Court of appeal for Ontario] // <<http://canlii.ca/t/fnxjo>>.

Одним из общепризнанных исключений является случай, когда существенный характер спора между работодателем и работником возникает из-за толкования, применения, администрирования или нарушения коллективного договора. Эти споры должны разрешаться в арбитражном порядке, а не в суде. Второе исключение — правила самоуправляющейся организации, особенно религиозной, предусматривают внутренний процесс разрешения споров. Лицо, добровольно решившее стать членом самоуправляющейся организации и пострадавшее из-за решения этой организации, должно добиваться возмещения в рамках внутренних процедур организации. Суды будут вмешиваться во внутренние дела самоуправляющейся [в данном случае — церковной] организации только в двух ситуациях: когда внутренние процессы организации несправедливы или не соответствуют требованиям естественной справедливости; или если потерпевшая сторона исчерпала внутренние процессы организации. В последнем случае, с учётом любых разрешающих законодательных положений, апелляционный суд не будет рассматривать по существу внутреннее решение, а только определит, было ли решение приведено в исполнение в соответствии с правилами организации и требованиями естественного правосудия... Римско-католическая церковь — это самоуправляемая организация. Её каноническое право предусматривает внутренний процесс рассмотрения церковных споров... В тех случаях, когда административное постановление может повлиять на права стороны, каноническое право требует, чтобы сторона была уведомлена, имела возможность ответить и чтобы был беспристрастным суд. Каноническое право также предусматривает широкий спектр средств правовой защиты, включая замену другого постановления, денежную

компенсацию и даже судебное разбирательство... Процесс внутреннего контроля в соответствии с каноническим правом соответствует требованиям естественного правосудия... По своей сути спор отца Харта с архиепископией носит церковный характер и подчиняется каноническому праву. Когда его назначили пастором, его назначение строго соответствовало каноническому праву... Должность пастыря является церковной. Каноническое право создаёт должность, определяет обязанности и ответственность по должности и описывает обстоятельства, при которых исполнение полномочий по должности может быть прекращено. Согласно каноническому праву, церковь может передать дело в гражданское право, но никогда не разрешала в судах дела об отстранении пастора от должности... По своей сути этот спор является церковным. Возмещение должно требоваться через внутренний процесс рассмотрения, установленный каноническим правом для споров церковного характера» (§ § 17–21, 23, 24).

В своём Решении Верховного суда провинции Онтарио Канады от 27.07.1999 по делу «Левиттс Кошер Фудс против Левина»¹⁶⁶ судья Бенотто заявил (дело касалось иудаистской религии, но референтно рассматриваемому нами кругу вопросов и не раз упоминалось в судебных решениях по другим делам, связанным с католической церковью): «Понятно, что суды не хотят вмешиваться во внутренние дела религиозных

---

¹⁶⁶ Решение Верховного суда провинции Онтарио Канады от 27.07.1999 по делу «Левиттс Кошер Фудс против Левина» [Levitts Kosher Foods Inc. v. Levin et al. 45 O.R. (3d) 147[1999] O.J. № 2785. Court File № 99-CV-163952-CM / Ontario Superior Court of Justice, July 27, 1999] // <<https://www.canlii.org/en/on/onsc/doc/1999/1999canlii14818/1999canlii14818.html>>.

организаций. Это лишило бы религиозную организацию права самостоятельно толковать свою доктрину. Наши суды неизменно утверждали, что гражданские суды не компетентны для решения вопросов религиозной доктрины. Верховный суд Канады постановил, что суды очень осмотрительно должны осуществлять юрисдикцию в отношении религиозных групп. При разрешении церковных споров суд не будет обращать внимание на существо решения, а скорее — смотрит на соблюдение правил, процедурную справедливость и отсутствие недобросовестности и естественной справедливости... Суды определяют, связан ли вопрос с религиозной доктриной до такой степени, что суды должны вообще отказаться от участия... Суды будут проверять решения, принятые церковными органами, чтобы определить, соответствует ли решение законам и авторитету самой религиозной организации... [Лицо], действующее в религиозной среде,.. подчиняется религиозным законам, которые регулируют эту среду... В религиозном контексте делового мира, в котором истец решил работать и извлекать прибыль... следует следить за соблюдением правил этой системы».

В Решении Верховного суда штата Нью-Джерси (США) от 23.01.1952 по делу «Бенджамин Кэбинет против Шапиро»¹⁶⁷ (дело касалось иудаистской религии, но референтно рассматриваемому кругу вопросов и не раз упоминалось в делах,

---

¹⁶⁷ Решение Верховного суда штата Нью-Джерси (США) от 23.01.1952 по делу «Бенджамин Кэбинет против Шапиро» [«Benjamin Cabinet, et ux., plaintiffs, v. rabbi Mosheh Shapiro, et als., defendants». 17 N.J. Super. 540 (1952) 86 A.2d 314 / Superior Court of New Jersey, Law Division. Decided January 23, 1952] // <<https://www.canlii.org/en/on/onsc/doc/1999/1999canlii14818/1999canlii14818.html>>.

связанных с католической церковью¹⁶⁸) говорилось, что истец, стремясь вести бизнес в отношении производства и оборота определённой религиозной еды, которая играет очень важную роль в религиозной вере членов таких общин, должен соответствовать канонам этой веры, касающимся этого предмета, если он желает продолжать этот бизнес с религиозной санкции. Он не может иметь или получать такую коммерческую выгоду, если он не соблюдает все требования правил, установленных этой религиозной организацией как предварительные условия для этого, и он также должен соблюдать решения религиозных судов, созданных и учреждённых для разрешения споров, касающихся этого предмета. Он не может претендовать на выгоду от бизнеса, не принимая на себя возложенное на него бремя. Решения религиозных судов по вопросам дисциплины, веры или церковных правил, обычаев или правил, влияющих на членов религиозной организации, должны признаваться государственными судами как окончательные и обязательные для них в их применении к рассматриваемому им делу, и государственные суды не будут расследовать или интересоваться прямо или косвенно противоречивыми утверждениями, касающимися практики или управления доктринальными делами религиозных групп, либо основаниями для наложения дисциплинарных мер за заявленные нарушения обязанностей религиозной группой,

---

¹⁶⁸ См., например: Решение Верховного суда провинции Онтарио Канады от 27.07.1999 по делу «Левиттс Кошер Фудс против Левина» [Levitts Kosher Foods Inc. v. Levin et al. 45 O.R. (3d) 147[1999] O.J. № 2785. Court File № 99-CV-163952-CM / Ontario Superior Court of Justice, July 27, 1999] // <<https://www.canlii.org/en/on/onsc/doc/1999/1999canlii14818/1999canlii14818.html>>.

если только это не что-то из ряда вон выходящее (убийства, растление малолетних и т. д.).

В Решении Верховного суда провинции Онтарио (Канада) от 27.01.1994 по делу «Дерек Педерсен против Томаса Фултона и Римско-католической епископальной корпорации»¹⁶⁹ было указано на необходимость рассмотрения спора об отстранении католического священника от должности и от отправления таинств в церковном суде — в соответствии с положениями канонического права.

Решение Верховного суда штата Южная Каролина (США) от 09.12.1996 по делу «Пирсон против Церкви Бога»¹⁷⁰: «Когда гражданское право зависит от церковного вопроса, решать его должен государственный суд, а не церковный. Но государственный суд рассматривает гражданское право, и не более того... Государственные суды не будут рассматривать церковную доктрину или церковную дисциплину, а также не будут проверять регулярность судебных заседаний церковных судебных органов, занимающихся такими вопросами. Принятие такой юрисдикции было бы не только попыткой

¹⁶⁹ Решение Верховного суда провинции Онтарио Канады от 27.01.1994 по делу «Дерек Педерсен против Томаса Фултона и Римско-католической епископальной корпорации» [«Derek Pedersen v. Thomas Fulton and The Roman Catholic Episcopal Corporation». [1994] O.J. No. 168. DRS94-11929. Action № 31469/93. January 27, 1994] / Ontario Court of Justice // <<https://www.theinquiry.ca/wordpress/documents/contact-me-2/pedersen-v-fulton/>>.

¹⁷⁰ Решение Верховного суда штата Южная Каролина (США) от 09.12.1996 по делу «Пирсон против Церкви Бога» [«Pearson v. Church of God». 478 S.E.2d 849 (1996). № 24541. Decided December 9, 1996 / Supreme Court of South Carolina] // <<https://law.justia.com/cases/south-carolina/supreme-court/1996/24541-2.html>>.

государственных судов рассматривать вопросы, в которых они не имеют специальных знаний, но и несовместимо с полной религиозной свободой, не ограничиваемой государственной властью... Общие принципы, которые вытекают из анализа вышеуказанных дел Верховного суда штата Южной Каролины: 1) государственные суды не могут участвовать в разрешении споров в отношении религиозного права, принципов, доктрины, дисциплины, обычаев или администрации; 2) государственные суды не могут избежать рассмотрения прав, вытекающих из гражданского права; 3) при разрешении таких гражданско-правовых споров государственные суды должны принимать как окончательные и обязательные решения высших религиозных судебных органов в отношении религиозного права, принципа, доктрины, дисциплины, обычаев и администрации».

Решение Верховного суда США от 21.06.1976 по делу «Сербская православная епархия против Миливоевича»¹⁷¹: «Всякий раз, когда вопросы дисциплины, веры, церковных правил, обычаев или закона решаются высшей церковной судебной властью, на которую был передан этот вопрос, [государственные] суды должны принять такие решения как окончательные и обязательные... Действительно, суть религиозной веры заключается в том, что церковные решения принимаются и должны приниматься как вопросы веры, независимо от того, являются ли они рациональными

---

¹⁷¹ Решение Верховного суда США от 21.06.1976 по делу «Сербская православная епархия против Миливоевича» [Serbian Orthodox Diocese v. Milivojevic, 426 U.S. 696 (1976). Decided June 21, 1976 / U.S. Supreme Court] // <<https://supreme.justia.com/cases/federal/us/426/696/>>; <<https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/426/696.html>>.

или измеряемыми объективными критериями... Никакое исключение “произвола” — в смысле расследования, соответствуют ли решения высшего церковного суда иерархической церкви церковным законам и постановлениям — не согласуется с конституционным мандатом, согласно которому государственные суды обязаны принимать решения высших судебных органов религиозной организации с иерархической политикой в вопросах дисциплины, веры, внутренней организации или церковного правления, обычаев или закона. Чтобы государственные суды проанализировали, являются ли церковные действия церковной судебной власти в этом смысле “произвольными”, должны по своей сути повлечь за собой исследование процедур, которые канонический или церковный закон якобы требует от церковной судебной системы, или других основных критериев, по которым они выполняются, решить церковный вопрос. Но это именно то расследование, которое запрещает Первая поправка [к Конституции США]; признание такого исключения подорвало бы общее правило, согласно которому религиозные споры не являются надлежащим предметом рассмотрения в государственном суде, и что государственный суд должен принимать церковные решения церковных судов в том виде, в каком он их находит».

Выше приведённые экстракты из правовых позиций государственных судебных инстанций США и Канады (а надо сказать, аналоги мы встречаем в судебной практике Италии, Испании, Аргентины, Франции и мн. др. государств мира) уже показывают неоднозначность и сложную онтологичность столкновения норм канонического права и права государственного, но главное — отражают признание этого государством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот уже два тысячелетия каноническое право и государственное право соседствуют, сложным образом взаимодействуя в интегральном нормативном регуляторном континууме, соответственно и референтно развитию общества и публичного порядка. Каноническое право и государственное право в современном светском государстве на протяжении столетий находились в сложном взаимодействии, взаимно оказывая сложноонтологическое влияние на формирование и развитие основных институтов, концепций и доктрин друг друга. В современном светском государстве это взаимодействие обретает сложные онтологии.

История канонического права, насчитывающая два тысячелетия, шла нелинейно, и его развитие происходило (не могло не происходить) соответственно и референтно развитию общества и публичного порядка государств размещения и функционирования церквей.

Очевидно, что правовое положение и фактическое (с точки зрения роли и значения в обществе) положение Церкви (что Православной церкви, что католической) уже не то, что было в прежние времена. Церковь больше не занимает того места, которое она когда-то занимала в национальном и международном правопорядке. Тем не менее, Церковь сохранила немалую роль, более важную в одном государстве, более ограниченную в другом, в зависимости от национального контекста. При этом усилия по адаптации миссии Церкви в мире сопровождаются переосмыслением и отчасти пересмотром её институтов и её

канонического права¹⁷². То есть все эти вопросы не просто не утратили своей актуальности, но такая актуальность всё более возрастает.

Канонические исследования почти никогда не проводятся на юридических факультетах и в юридических вузах вне церковных систем, и даже некоторые историки права рассматривают каноническое право как закрытую книгу¹⁷³, как «лишь пережиток ушедшей истории права»¹⁷⁴, то есть как что-то давно себя исчерпавшее, отжившее, глубоко архаичное, история чего уже полностью исследована и закрыта. Но это, конечно же, не так.

Как пишет Антонио Падоеа-Скиоппа, нынешний этап эволюции правовых систем в Европе предполагает и даже заставляет задуматься над моделями, которые со временем характеризовали право нашего континента. Кодификационный кризис после двух столетий успеха; затмение национальных законодательств, рассматриваемых как привилегированный, если не исключительный источник позитивного права; переоценка обычаев и правовой

¹⁷² *Passicos J.* Droit canonique et droit comparé aujourd'hui. Renouveau d'une problématique? [Каноническое право и сравнительное право сегодня: Возобновление проблемы] // *Revue internationale de Droit comparé*. — 1981, Janvier-mars. — Vol. 33. — № 1. — P. 17–31. — P. 21–22.

¹⁷³ *Der Einfluss der Kanonistik auf die europäische Rechtskultur* [Влияние канонического права на европейскую правовую культуру]. Bd. 1: Zivil und Zivilprozessrecht [Т. 1: Гражданское и гражданско-процессуальное право] / Hg.: Orazio Condorelli, Franck Roumy, Mathias Schmoeckel. — Köln: Böhlau Verlag, 2009. — 445 s.

¹⁷⁴ *Condé P.-Y.* La fragilité du Droit. «Déthéologisation» et «théologisation» du droit canonique après Vatican II [Хрупкость права: «детеологизация» и «теологизация» канонического права после Второго Ватиканского собора] // *Droit et société*. — 2006/2. — № 63. — P. 527–551. — P. 528.

доктрины как источников любой системы права; появление правового и нормативного порядка, сосредоточенного на нескольких уровнях — муниципальном, региональном, национальном, европейском, мировом, дифференцированных, хотя и взаимосвязанных, — всё это побуждает нас с новым интересом взглянуть на юридический опыт прошлого, далёкий, казалось бы, современный. На протяжении веков, от Средневековья до Нового времени, эволюция Церкви часто осуществлялась с использованием аргументов исторического характера. Ссылка на модели и важные моменты прошлого является константой канонического права, особенно с Григорианской эпохи. Хотя верно то, что модели прошлого нельзя воскресить для решения проблем настоящего (история никогда не повторяется), историческое знание вполне может предложить ценные элементы для критического осмысления нашего настоящего. В свою очередь, размышление о настоящем помогает выявить всё новые стороны прошлого, которое также обновляется, так сказать, на наших глазах¹⁷⁵.

Мы просто всенепременно должны оглянуться в прошлое (и внимательно осмотреться в прошлом), чтобы найти там оснований для решений в будущем.

Право государственное и право церковное каноническое (*Lex Canonica*), очевидно, совершенно различны по природе, источниковой основе, структуре и онтологии своим, но, вместе с тем, эти две нормативные системы сложным образом взаимодействуют, взаимно влияют друг на друга. Признание

¹⁷⁵ *Padoa-Schioppa A. Réflexions sur le modèle du Droit canonique médiéval* [Размышления о модели средневекового канонического права] // *Revue historique de Droit français et étranger*. — 1999. — Vol. 77. — № 1. — P. 21–39. — P. 21–22, 28, 27.

контрагентов каждой из сторон различно, меняется во времени и в пространстве, но всегда имеет место.

Исследование онтологии взаимодействия, пересечения (интерсекциональности), взаимной исторической обусловленности, сложной детерминированности права канонического и права государственного требует, по крайней мере, нескольких подходов и связанных с ними интерпретационных проекций.

Согласно нашему авторскому концепту, выступающему результатом произведённых исследований, пересечение и взаимное влияние канонического права и права государственного осуществляется по следующим «контурам» и «площадям» взаимодействия:

1) правовая онтология современных правовых институтов и субинститутов, сопряжённая с онтологией канонического права:

1.1) признание государственными судебными органами норм канонического права и решений религиозных судов религиозных организаций по целому кругу общественных отношений;

1.2) признание и уважение онтологии, автономности и онтологической легитимности нормативного универсума внутренних нормативных установлений (пока нет прямых и грубых нарушений государственного законодательства);

1.3) сложные онтологические нормативные пересечения, наложения, контрверсии и взаимоусиления норм канонического права и права государственного в сфере семейных отношений, в биомедицинской сфере, сфере культуры и ряде других сфер общественных отношений;

1.4) опосредованное нравственное фреймирование и пронизывание императивами (зиждущимися на каноническом праве) современного права (институт помилования, институт

условно-досрочного освобождения, институт крайней необходимости в уголовном праве, «прошивка» огромного числа законов христианскими нравственными императивами через их имплементацию в конкретных нормах (с изложением принципов нравственности, справедливости, гуманности и т. д.) и мн. др.);

1.5) пересечение, интерсекциональность тезаурусов государственного права и права канонического (соответственно, правовой науки и науки канонического права), взаимное интерпретационно-смысловое проникновение и достраивание, а равно иные ныне действующие проявления многих общих истоков;

2) исторически обусловленное существенное влияние, ретроспективно фиксируемое.

Научное издание

**Митрополит Смоленский и Дорогобужский
Исидор (Тупикин)**

**ЦЕРКОВНОЕ
КАНОНИЧЕСКОЕ
ПРАВО И ПРАВО
ГОСУДАРСТВЕННОЕ**

Сопряжения, пересечения, взаимные влияния

**Научно-теологическое
и научно-юридическое исследование**

Выпускающий редактор И. Штырова
Технический редактор В. Флиманков
Корректор А. Алексеева
Издательство «Свиток», 214025, Смоленск, ул. Нормандия–Неман, 31–216.
Тел.: 8–910–787–82–59
Подписано в печать 15.11.2022. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 9. Тираж 500 экз.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion Pro».